

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ АЛЬМАНАХ

• АРХИТЕКТУРА • ЭТНОГРАФИЯ • ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ •
• ТОПОНИМИКА • ФИЛОЛОГИЯ •

Издается с 1996 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Ю.П. Лыхин. Об Илимском остроге и Спасской проезжей башне 3

А.Ю. Чукавина, Л.Н. Лузгина, М.Н. Сапигев. Михалёвский некрополь 19

Е.С. Ноговицына. По следам семейных преданий (история династии священнослужителей Поповых и Сизых) 28

ЭТНОЛОГИЯ

В.Н. Медведев. Традиционное жилище гернгутера Сарепты второй половины XVIII – середины XIX века 46

КРАЕВЕДЕНИЕ

В.И. Тарасов. Историко-краеведческий компонент в начальном художественном образовании 53

ФОЛЬКЛОР

Л.А. Аболина. Бабушкино наследство 61

ВОСПОМИНАНИЯ

Ф.В. Репнёва. Страшная свадьба 66

У НАС В ГОСТЯХ

В.Н. Кайкова. Музей «Дом станционного смотрителя»: прошлое и настоящее 71

МУЗЕЙНЫЕ ЭКСПОЗИЦИИ

М.Л. Ометова. Мангазея в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» 91

О.Ю. Фролова. Вывески в экспозиции музея «Тальцы»: традиции, современные решения и проблемы 98

РЕСТАВРАЦИЯ

Е.В. Логинова. Чудо омоложения древнерусской иконописи 107

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ

О награждении поощрительным знаком «Почетный деятель музея „Тальцы“» 111

НОВЫЕ КНИГИ 112

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЧКИ

С. Кулик. Тальцинское стеклышко (Иркутский сказ) 113

НА ДОСУГЕ

Старобелорусская кухня 122

Редакционная коллегия: канд. филол. наук Г.В. Афанасьева-Медведева, канд. филос. наук О.С. Ихенова, канд. ист. наук Т.А. Крючкова, канд. ист. наук Ю.П. Лыхин (отв. секретарь), канд. культурологии В.В. Тихонов (гл. редактор)

Редактор-составитель номера: Ю.П. Лыхин

Редактор: Г.Д. Лопатовская

Оригинал-макет: С.Г. Червякова

Подготовка к печати: ООО «Репроцентр А1»

Адрес редакции: Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Грязнова, 22. Тел. (8–3952) 24–31–82, факс (8–3952) 24–31–46, e-mail: talci@irk.ru

На обложке:

- С. 1 — *Мангазея в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». 2010 г. Фото Ю. Лыхина (к статье М.Л. Ометовой)*
- С. 2 — *Дом фабриканта И.К. Глича. 1840-е гг. (к статье В.Н. Медведева)*
 - *Вырская почтовая станция (к статье В.Н. Кайковой)*
- С. 3 — *Встреча с немирными тунгусами. Художник Аня Красная, 10 лет (к статье В.И. Тарасова)*
 - *Северное сияние в Иркутске. Художник Лиза Шишковская, 10 лет (к статье В.И. Тарасова)*
- С. 4 — *Стрелка-указатель в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы». 2010 г. Фото Ю. Лыхина (к статье О.Ю. Фроловой)*

Подписано в печать 24.12.2010 г. Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 7,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 04411. Цена свободная.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1», г. Иркутск, ул. Александра Невского, 99/2, тел. 540–940.

© ГУК АЭМ «Тальцы», 2010

ОБ ИЛИМСКОМ ОСТРОГЕ И СПАСКОЙ ПРОЕЗЖЕЙ БАШНЕ

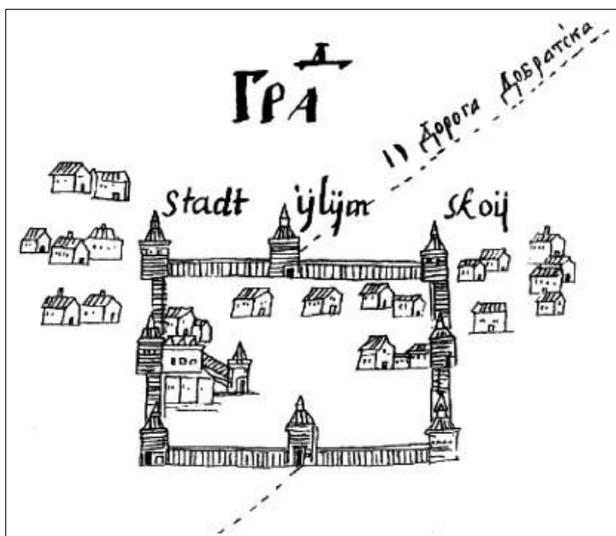

*Юрий Петрович Лыхин,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

На месте Илимского острога сегодня плещут волны рукотворного моря — Усть-Илимского водохранилища. Из всех деревянных построек Илимска до наших дней сохранилось только два сооружения-памятника: Спасская башня Илимского острога и Илимская Казанская церковь. Как и прежде, они стоят вместе, расположившись на территории Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» в 47 километрах от города Иркутска.

Начало Илимска было положено в 1630 году, когда на реке Илим возле того места, где начинался волок на реку Лену, казаками атамана Ивана Галкина было поставлено ясачное зимовье. Ввиду важности этого места по пути на «славную во свете и великую реку Лену» в 1647 году зимовье было превращено в небольшую рубленую крепость — острог. Еще через два года новый острог стал центром отделившегося от Якутского Илимского воеводства. Первым илимским воеводой Тимофеем Шушериным было дано и первое описание острога, по которому он имел только две небольшие башни. Длина стен острога составляла всего 119,5 сажени. Как писал Шушерин, внутри острожных стен строиться было практически негде, «потому что, государь, острог мал» (24, с. 44).

24 июля 1666 года в Илимском остроге случился пожар, от которого он весь «по воле божией» сгорел. Приехавший через три месяца после этого новый воевода Сила Оничков нашел на месте острога лишь пепелище. «Приехал я, холоп твой, в Ылимский на пустое илимское городище», — писал он царю. Вставший перед необходимостью строить новый острог Оничков отказался от старого места («местишко малое, меж высокими каменными крутыми невъезжими горами») и выбрал другое, более удобное:

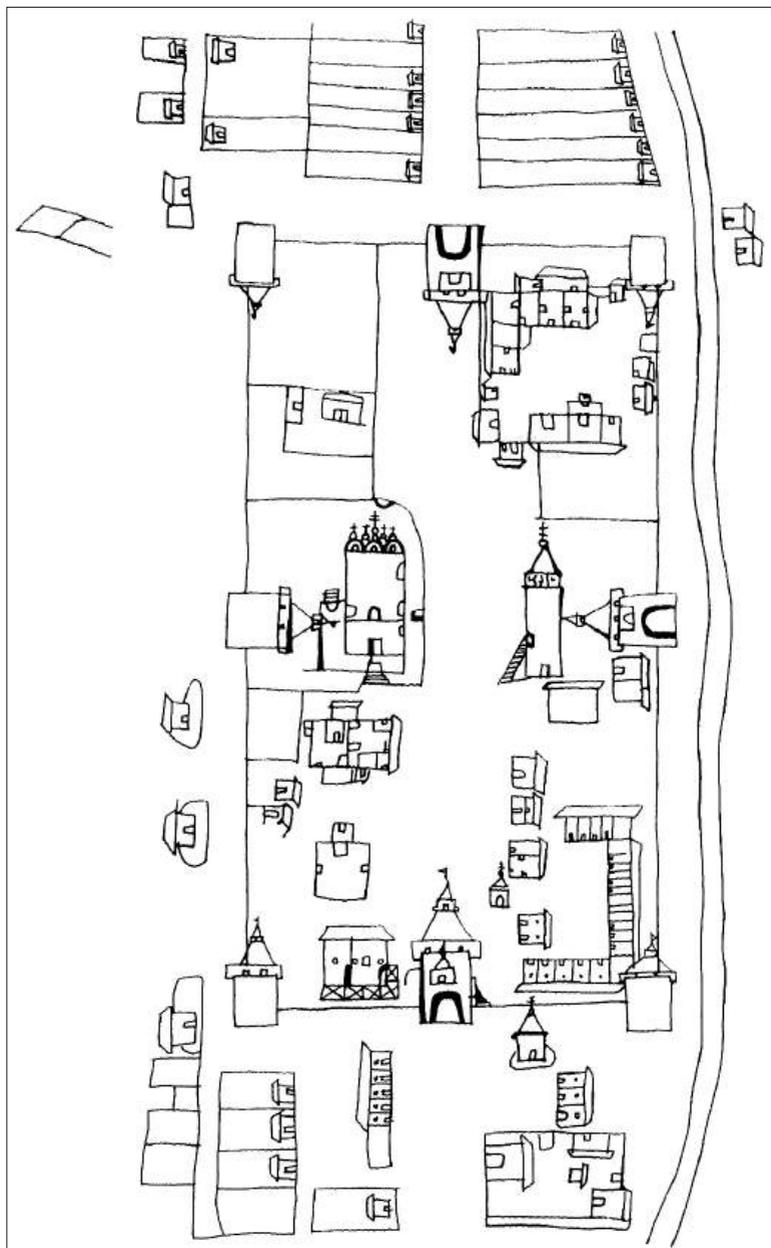

**Илимский острог в «Чертежной книге Сибири»
С. Ремезова. 1701 г.**

«угожее место на низ Илима реки за 655 сажень». Была составлена смета на бревна, и воевода «лес розвытил по жеребею всего Илимского уезду на пашенных крестьян з десятинного тягла по развытке, не по велику; велел по зимнему пути лес выронить и вывозить на острожное место к стене». 21 июля 1667 года Оничков «острожное место очертил, и первую Спасскую большую башню того же числа заложил» (24, с. 44, 47). Именно эта Спасская башня и сохранилась до настоящего времени. День же 21 июля можно считать днем рождения башни — редкостный случай для памятников деревянного зодчества.

Из подготовленного леса под непосредственным руководством подьячего Илимской съезжей избы Никиты Лазарева острог строился всем миром: и служилыми людьми, и ружниками, то есть людьми духовного звания. В 1669 году воевода Оничков перешел на жительство в новый острог.

Илимский острог находился в 951 версте от Енисейска — «от Енисейского же острогу вверх по Енисею и по Тунгуске (так тогда называлась Ангара. — Ю. Л.), и по Илиму рекам до Илимского острогу ходу 6 недель» (22, с. 52). Согласно имеющимся описаниям, он располагался в узкой долине реки Илим, зажатой с двух сторон высокими горами. Ширина Илима в этом месте в 150 верстах от его устья составляла 40–50 сажень, а ширина всей

План Илимского острога. 1702 г.

Вид города Илимска. Гравюра XVIII в.

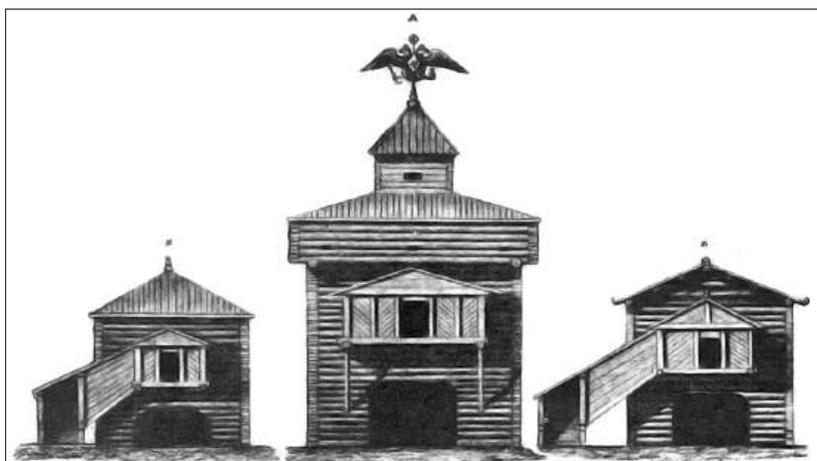
долины с рекой — 80–100 саженой. Четырехугольный в плане острог был размещен на правом берегу Илима и состоял из восьми деревянных башен, три из которых были проезжими. Башни соединялись стенами, представлявшими собой ряд отвесных, скрепленных друг с другом остроконечных бревен (тынин). Проезжие башни располагались посередине трех стен: той, которая выходила к воде (южная), и двух перпендикулярных к ней (западная и восточная). Противоположная от воды стена и каждый угол острога имели глухие («наугольные») башни. Внутри острожных стен общей длиной в 319 саженой были поставлены церковь во имя Спаса, воеводский двор, съезжая изба, амбар для соболиной казны, а позже и другие постройки.

Илимский острог протянулся вдоль реки на четверть километра. Высокие, почти десятиметровые башни и более чем четырехметровый тын из толстых, диаметром 25–30 сантиметров, вкопанных вертикально бревен общим количеством почти в 3 тысячи, создавали внушительную для местных «туземцев» крепость. В 1670 или 1671 году на башнях нового острога было установлено пять пушек, привезенных из Тобольска, которые, однако, так и не пригодились, ибо в истории Илимска, в отличие от Братского или Верхоленского острогов, не случилось военных событий.

Известно, что в 1687–1688 годах Илимский острог был немного достроен, а в 1694 году «ответшалою» острог подвергся капитальному ремонту. Его военное значение к тому времени уменьшилось, и на вооружении острога в 1694 году осталось только две медные пушки на деревянных станках (одна в 16 пудов весом, другая в 17 пудов), 121 железное ядро к ним, 24 пищали, 2 кара-

бина, 16 пудов пороха, 34 пуда свинца, 8 бердышей и копья. В 1727 году последние пушки по указу из Тобольска были отправлены в Якутск, а в Спасской башне долгое время оставалось «два стана пушечных, деревянных. У тех станков по обеим сторонам петли, 8 колец, 4 крюка железных» (24, с. 49).

В 1703 году была выполнена подробная опись «Илимскому городовому и всякому строению», в которой впервые описывается и Спасская башня: «Вначале Илимской острог, едучи из Енисейска с низу Илима реки. С приезде в острог Спасская проезжая башня — построена среди острожные стены — четыре сажени без аршина, другие стены — полу четыре сажени; до обلامов 30 рядов, да обلامов 8 рядов, рублена в лапу под скобель, вершена шатром с вышкою, крыта тесом, вышина башне до орла 8 сажень печатных. Снаружи за острогом часовня — у той башни на свесе, часовня вершена бочкою, а на верх бочки маковица с крестом, опаяно белым железом, а бочка и маковица обита лемехом. В часовне в киоте образ нерукотворного Господа нашего Иисуса Христа. На киоте написаны дванадесятые праздники. Сверху киота во главе — образ Знамения пресвятыя Богородицы. Да на часовне в бочке написано отечество. Да в остроге у той же башни другая часовня на свесе, крыта на обе стороны. В часовне образ пресвятой Богородицы Одигитрией. Ход в часовню из острогу по лестнице. В башне ворота брусяные, створные, с калиткою» (24, с. 50).

*Илимский острог в 1839 г. Знаменская (слева),
Спасская и Никольская (справа) башни*

***Спасская проезжая башня и Казанская церковь в Илимске
(с западной стороны). Начало XX в.***

Спасская башня была срублена «в лапу», то есть без выступающих по отношению к наружной плоскости стены концов бревен. Такая рубка башен делалась с той целью, чтобы углы были совершенно гладки и неудобны для влезания неприятеля во время приступа. В верхней части башни имелась выступающая, нависающая над стенами башни часть (облам), имевшая оборонительное назначение. Стенки облама поставлены на выпущенные наружу концы верхних бревен основного сруба так, что между стенками облама и стенами башни образовались щелеобразные «навесные» бойницы шириною до полуаршина. Через эти бойницы защитники острога могли поражать врага, подошедшего вплотную к стене: стрелять в него, лить кипяток, бросать камни и т. п.

Кроме того, конструкция Спасской башни включала в себя надвратные выступы снаружи и изнутри острожной стены в виде крытых балконов, так называемые часовни «на свесе» (т. е. на весу). На Руси издавна существовала традиция над монастырскими и крепостными воротами помещать иконы. Существует множество тому примеров, начиная со Спасских ворот Московского Кремля. Была такая икона — образ Спаса Нерукотворного — и на Спасской проезжей башне Илимского острога, отчего и пошло ее название. Однако помимо религиозного назначения «часовни на свесе» имели, без сомнения, и оборонительное значение в случае осады острога.

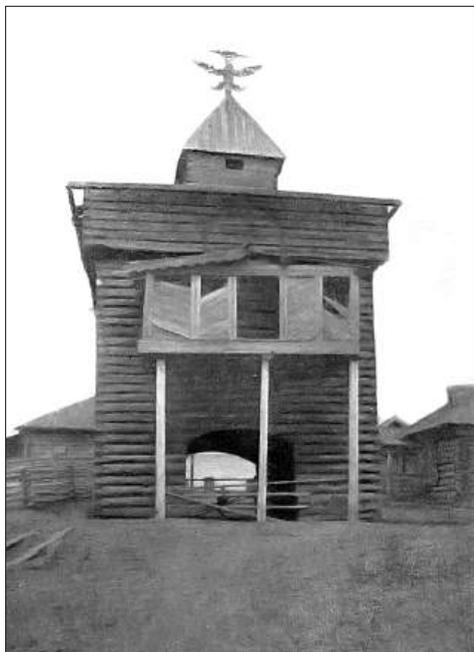
Спасская башня была покрыта шатровой крышей с устроенной на ней дозорной вышкой, предназначенной для наблюдения за приближающимся неприятелем. Дозорную вышку венчал сделанный из дерева двуглавый орел с распростертыми крыльями. Высота Спасской башни, самой высокой из всех в Илимском остроге, составляла «до орла» 18 метров. Установленная снизу по течению Илима (с запада от острога), Спасская башня служила главными, парадными, воротами со стороны Енисейска.

В 1703 году в Илимске стояло 103 жилых двора. Все протяжение береговой линии, занятое Илимским острогом вместе с дворами за пределами укрепления, составляло примерно две версты (24, с. 64). По результатам ревизии 1719–1722 годов в Илимске числился 401 житель мужского пола. Если к ним прибавить не учитывавшихся по переписи женщин, а также лиц духовного звания с их семьями и воеводскую семью, то население тогдашнего Илимска составляло порядка 1 000 человек. Илимский уезд состоял в то время из 14 волостей, в составе которых насчитывалось 272 селения, располагавшихся по Илиму, по Лене, от ее верховий до Киренского острога, и по среднему течению Ангары (25, с. 6).

К середине XVIII века Илимский острог вновь изрядно обветшал и снова требовал ремонта: «тычины от земли подгнили», «у семи [башен] крышек нет да одну башню Илимом рекою подмы-

Спасская проезжая башня и Казанская церковь в Илимске (с восточной стороны). Начало XX в.

Спасская башня в Илимске. 1914 г.

ло» (24, с. 48; 5, с. 99). В 1753–1755 годах при воеводе Иване Попове была проведена перестройка Илимского острога, оказавшаяся последней в истории Илимска. С того времени история острога заключалась в постепенном старении и разрушении острожных укреплений.

В XVIII веке закатилась звезда и самого Илимска. С начала этого столетия город уже практически не рос. Спад в его развитии был связан с падением значения Ленского волока, бывшего поначалу единственным путем из Енисейска далее на восток, до «конца земли». В результате освоения южных частей Восточной

Сибири административным центром образовавшейся провинции, а затем губернии стал Иркутск. Сообщение губернской «столицы» с Россией осуществлялось по устроенному к середине XVIII века вдоль реки Ангары Московскому тракту, а на Лену пошла дорога через Иркутск и Качуг (Якутский тракт).

В 1775 году воеводское правление из Илимска было переведено в Киренск, что привело к дальнейшему запустению Илимска. Находившийся там в ссылке А.Н. Радищев писал в 1794 году: «Во всем Илимске 45 домов, а тот, в котором я живу, 46-й и вместе с церковью и городской ратушей стоит посередине поселка. Дома расположены на месте старой крепости, или острога, от которого осталось только несколько башен, угрожающих падением. Кроме этих 45 домов, есть еще домов 15 пустых и необитаемых...» (16, с. 473). Совершенно потеряв бывшее путевое, военно-стратегическое и торговое значение, с 1810 года Илимск становится заштатным городом Киренского уезда Иркутской губернии.

К середине XIX века от укреплений бывшего Илимского острога остались только три проезжие башни, превратившиеся к тому времени в исторические реликвии. В связи с этим интерес к ним у

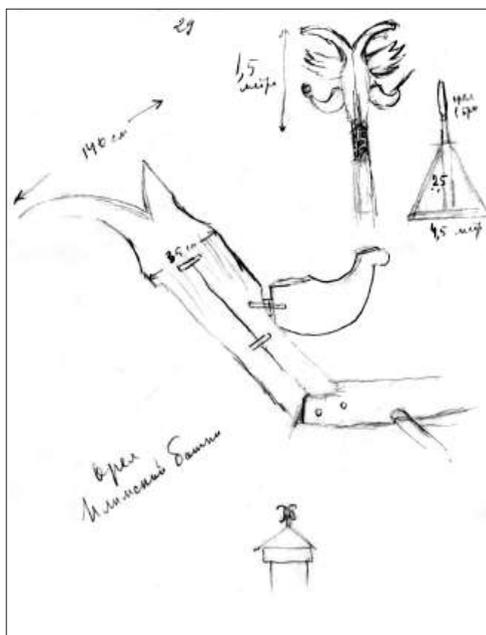
людей просвещенных и образованных усилился. Были предприняты первые попытки сохранения башен, находившихся в бедственном положении. Так, увидевший их иркутский губернатор К.К. Венцель, совершавший объезд вверенной ему в управление территории, распорядился произвести хотя бы минимальный ремонт, чтобы не допустить дальнейшего разрушения «древних башен». 9 мая 1852 года илимский мещанский староста подал рапорт «об исполнении распоряжения Иркутского гражданского губернатора и произведенных работах по исправлению башен бывшего Илимского острога»: «Илимское мещанское общество озаботилось исправить из числа трех древних башен г. Илимска одну — а именно Спасскую — следующим образом: сняв орел, крышу и все ветхости заменяются новым устройением, а прочие две башни — Знаменская и Николаевская — остаются в прежнем безобразном виде и полуразрушенными. Общество же от исправления их отказывается по случаю крайней бедности, и при малочисленности в городе Илимске жителей считают крайним обременением и невозможности...» (26, с. 93).

В конце 1860-х годов все три проезжие башни Илимского острога продолжали существовать. При этом за два прошедших века со времени основания острога две из них изменили свои названия. Если первоначально они назывались Спасской, Богоявленской и Введенской, то теперь две последние по главным находившимся в них иконам назывались Знаменской («в часовне образ Знамения пресвятыя Богородицы») и Никольской («в ней образ Николая Чюдотворца, в окладе»).

Еще в 1868 году киренский окружной исправник С.В. Попов сообщал в Иркутский губернский статистический комитет: «В городе Илимске есть три старинные башни:

**Илимская Спасская башня. 1949 г.
Рисунок Г.И. Дудина**

Орел, венчавший Илимскую Спасскую башню. 1949 г. Рисунок Г.И. Дудина

Спасская, Никольская и Знаменская; все они деревянные, четырехугольные и устроены в виде высоких огороженных дворов с воротами на обе стороны. По настоящее время сохранилась хорошо только одна Спасская башня; она построена в три этажа, два широких и один самый верхний узкий, законченный острообразно, на веру которого прикреплен двуглавый орел <...> при всех сохранившихся ныне башнях устроены были, как должно полагать, небольшие часовни по обеим сторонам башенных стен, имевшие вид балконов <...> В башне же Спасской во втором этаже нужно считать существование главной часовни, так как тут сохранилась и теперь большая доска, на которой была написана икона, но какая это была икона, за совершенным повреждением ее, определить нельзя; жители же, по преданию, объясняют, что она укреплена была посредине второго этажа; самый же верхний этаж, составляющий очень небольшое помещение, вероятно, служил сторожевым пунктом, откуда производились наблюдения за инородцами; а из первого этажа производилась стрельба по наступающим на укрепление. Только одна Спасская башня и сохранила свой первоначальный вид, и то потому, что была поддерживаема поправками, остальные же две совершенно разрушаются» (21, с. 120–121).

Однако уже в 1871 году побывавший в Илимске член Императорского Русского Географического общества П.А. Ровинский застал уцелевшими только две башни — Спасскую и Никольскую.

Ко второй половине XIX века история появления Илимского острога уже основательно забылась, из памяти народной выветрилось и назначение отдельных частей башен. Поэтому в описаниях очевидцев употреблялись предположительные и вопросы-

тельные фразы, а по поводу назначения надвратных «пристроек» у проезжих башен возникла целая дискуссия. Один из авторов, священник, был уверен, что это — часовни, служившие для «удовлетворения религиозных потребностей набожного русского населения Илимского острога»: «В них до сих пор сохраняются местночтимые иконы Спаса Нерукотворенного, св. Николая и др.; отчего и самые башни носят названия Спасской, Никольской и др. Жители г. Илимска и теперь усердно чествуют находящиеся в башнях иконы. При осмотре башен я имел приятный случай убедиться в этом: пред иконою Николая чудотворца, находящуюся в Никольской башне, в простом, сделанном из дерева и неокрашенном даже, подсвечнике стояло несколько обожженных свечек из белого воска; очевидно было, что горожане все еще не забывают подражать доброму примеру своих славных прадедов» (20, с. 73–74).

Другие же видели в этих «пристройках» «чисто крепостные сооружения», даже не допуская их первоначального назначения для обеих целей (21, с. 122, 123–124).

Из двух последних башен Илимского острога Никольская сгорела до основания при пожаре в Илимске в 1905 году. С того времени от острога осталась лишь одна Спасская башня. В 1908 году из нее была убрана икона Спаса Нерукотворного, находившаяся в часовне с восточной, то есть с внутриострожной, стороны башни. Об этом сообщал в своей статье в «Иркутских епархиальных ведомостях» священник Н. Савватеев: «В 1908 году генерал-губернатор Селиванов, проездом чрез город Илимск, посетил башню и заметил на иконе непристойные надписи карандашом; вследствие этого велел икону снять с башни, опечатать и поставить на хранение. В настоящее время образ сей хранится в кладовой при здании бывшей церковно-приходской школы» (18, с. 476).

С начала XX века судьбой находившихся в крайне запущенном состоянии памятников архитектуры в Илимске, в том числе и Спасской башни, озаботились члены иркутских научных обществ. До начала XX века не только не существовало их охраны, но и не ставился вопрос об их описании, фотографировании, элементарных обмерах и зарисовках. Побывавший в Илимске в 1914 году член ВСОИРГО и Иркутской ученой архивной комиссии М.П. Овчинников писал о Спасской башне: «Башня, стоящая посредине улицы, ничем не огорожена и служит сортиром для обывателя <...> В 3-м этаже я заметил экскременты, бревна некоторые сгнили, во 2 этаже имеется дерев[янная] рама, грубо резанная; в ней по объяснению городского старосты, в ведении которого находится и башня, была икона Спасителя, принесенная сюда первыми казаками, в этом году передана в церковь для хранения,

но и в церкви эта икона небезопасна от порчи. Башню ремонтировать еще вполне можно, но дело без указания архитектора не обойдется» (10, с. 349).

На заседании Иркутской ученой архивной комиссии 15 марта 1914 года обсуждался вопрос о необходимости безотлагательного ремонта четырех древних храмов Илимска и острожной Спасской башни. Ремонтировать их предлагалось «очень осторожно», предварительно не только сфотографировав, но и детально зарисовав сооружения во всех деталях. По поводу Спасской башни приглашенными специалистами (архитектор и инженер) было высказано мнение, что «при современных усовершенствованиях в области строительного искусства» ее не придется разбирать до основания, а будет возможно заменить лишь пришедшие в негодность части (15, с. 2).

Однако отсутствие средств не только на ремонт, но и на необходимый предварительный осмотр «техником-специалистом»,

а вскоре начавшиеся Первая мировая война и бурные революционные события исключили всякую возможность реставрации Спасской башни в то время.

В первые десятилетия советской власти числившиеся на государственном учете памятники архитектуры Илимска продолжали ветшать и беспрепятственно разрушаться. К концу 1940-х годов состояние Спасской башни стало критическим. В результате обследования «исторических зданий» в селе Илимск специальной комиссией, действовавшей по указанию Нижне-Илимского райсовета депутатов трудящихся, 15 апреля 1948 года

Илимская Спасская башня в музее «Тальцы». 1999 г. Фото В. Тихонова

был составлен акт, в котором говорилось: «Башня, находящаяся в центре с. Илимск на ул. им. М. Горького (около почты), с основными размерами — по длине 7,5 м, шириной 6,7 м, высотой 7,0 м, рублена из бревен д[иаметром] 25 см, значительно разрушена. Стены башни подвержены гнили. Из 2-х перекрытий верхнее обрушилось, также обрушились совершенно потолок, крыша башни и лестницы, ведущие на верх башни.

Надстройки в виде выступающих балконов на 2-м ярусе башни сгнили, одна из них обвалилась. Балки в местах соединений пришли в полную ветхость. Архитектурные и мелкие элементы башни (кроме венчавшего

башню деревянного двуглавого орла. — Ю. Л.) не сохранились. При неблагоприятных условиях (сотрясениях, сильном ветре и пр.) не исключен обвал нижнего оставшегося перекрытия» (3, с. 2).

После проведенного обследования собрание партактива Илимска, на котором присутствовал представитель отдела искусств Иркутского облисполкома В.Ф. Мигаев, вынесло решение о необходимости реставрации Спасской башни и просило Мигаева «возбудить ходатайство» перед облисполкомом об ассигновании средств на это (4).

В следующем, 1949, году в Илимске побывал хранитель Иркутского областного художественного музея Г.И. Дудин, ездивший туда с целью поиска икон из бывших илимских церквей. В своей докладной записке, адресованной директору музея А.Д. Фатьяно-

***Илимская Спасская башня в музее
«Тальцы» (задний фасад). 1999 г.
Фото В. Тихонова***

ву, он писал и о Спасской башне: «По приезде я осмотрел сторожевую башню XVII века. Крыша изгнила и рухнула на потолок, где и находятся жалкие остатки орла (зарисовал). Башня не обгоржена, в ней грязно, днем в ней стоит скот» (1, с. 4).

В адресованном местным властям письме Г.И. Дудин предлагал «произвести ремонт башни <...> с заменой изгнивших частей в том же стиле; очистить от мусора и грязи и оградить» (2, с. 2). Крайне необходимый ремонт Илимской Спасской башни вскоре был осуществлен, но, к сожалению, подробностей этого сегодня не известно.

В начале 1960-х годов в Иркутской области начались работы по строительству Усть-Илимской ГЭС. В зону затопления ГЭС попадал и Илимск с его уникальными памятниками деревянной архитектуры XVII века. В связи с необходимостью их спасения и сохранения для будущих поколений на берегу Ангары в 47 километрах от Иркутска по Байкальскому тракту начал формироваться музей под открытым небом под названием «Тальцы». В нем было решено разместить не только илимские памятники, но и лучшие образцы народного зодчества всего Приангарья. В 1969–1973 годах в музей перевезены первые объекты, среди которых была и Спасская башня Илимского острога, признанная к тому времени (постановлением Совета Министров РСФСР № 1327 от 30. 08. 1960 г.) памятником архитектуры государственного значения. В течение нескольких лет она хранилась на территории создающегося музея в разобранном виде в специальном сарае. В 1980 году завершилась первая очередь реставрационных работ (трех усадеб деревни-малодворки), и музей «Тальцы» был открыт для посетителей. После этого, в 1982 году, приступили к восстановлению Спасской башни. Ее реставрация, проводившаяся под руководством архитектора Г.Н. Оранской, была завершена в 1984 году. Началась новая жизнь древнего памятника. Обновленный шедевр стал украшением музея и остается таковым до сегодняшнего дня. В настоящее время Спасская проезжая башня Илимского острога — самая старая постройка на территории музея «Тальцы», это одна из немногих сохранившихся острожных башен в Сибири и единственная в России башня с часовнями «на свесе».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Иркутского областного художественного музея (ИОХМ). Инв. № 212 ПИ-35. Докладная записка Г.И. Дудина.
2. Архив ИОХМ. Инв. № 212 ПИ-35. Письмо Г.И. Дудина председателю Илимского сельсовета Н.-Илимского района т. Оглоблину Андрею Васильевичу, секретарю Илимской парторганизации т. Барабанщикову Александру Степановичу и представителю Н.-Илимского райисполкома т. Юмошеву Петру Степановичу.
3. Архив ИОХМ. Инв. № 248 ПИ-40. Акт обследования исторических зданий в с. Илимске Н.-Илимского района Иркутской области. 15 апр. 1948 г.
4. Архив ИОХМ. Инв. № 248 ПИ-40. Выписка из протокола от 26/VIII-1948 г. общего собрания партактива с. Илимск.
5. Арембовский И.В. Из истории изучения Восточной Сибири: (Материалы об историке Г.Ф. Миллере) // Известия Иркутского государственного научного музея. Иркутск, 1937. Т. 2 (57).
6. Зиннер Э.П. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск, 1968.
7. Крадин Н.Н. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988. 192 с.
8. Миллер Г.Ф. История Сибири. М., 2005. Т. 3.
9. Нефедьева А.К. Памятники Илимска в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» // Земля Иркутская. 2006. № 2 (30).
10. Овчинников М.П. Отчет о командировке в гор. Киренск для осмотра архивов // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1916. Вып. 3.
11. Описание Иркутского наместничества 1792 г. Новосибирск, 1988.
12. Ополовников А.В., Ополовникова Е.А. Земля Иркутская, деревянная... М., 2004.
13. Полунина Н.М. Живая старина Приангарья. М., 1990.
14. Пономарев Н.А. Поездка Преосвященного епископа Евгения в Киренский уезд в июне-июле месяцах 1913 г. Иркутск, 2007.
15. Протоколы // Труды Иркутской ученой архивной комиссии. Иркутск, 1916. Вып. 3.
16. Радищев А.Н. Записки путешествия в Сибирь // Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 3.
17. Ровинский П.А. Между Ангарой и Леной // Известия СОИРГО [Иркутск]. 1872. Т. 2, № 4.
18. Савватеев Н. Описание древних храмов, церковной утвари и башни, находящихся в заштатном городе Илимске Киренского уезда Иркутской губернии и его окрестностях // Иркутские

епархиальные ведомости. 1915. 1 июля (№ 13). Прибавления, с. 472–477.

19. Серебренников И.И. Памятники старинного деревянного зодчества в Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

20. Сизой М. Заштатный город Илимск, его древние памятники и некоторые черты из его прежней церковной жизни, достойные примечания: (историко-археологический очерк) // Иркутские епархиальные ведомости. 1883. 22 янв. (№ 4). Прибавления, с. 47–59; 29 янв. (№ 5). Прибавления, с. 63–75.

21. Султанов Н.В. Остатки Якутского острога и некоторые другие памятники деревянного зодчества в Сибири // Известия Императорской Археологической комиссии. СПб., 1907. Вып. 24.

22. Титов А. Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и принадлежащих к ней землях. М., 1890.

23. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 году. СПб., 1882.

24. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001.

25. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001.

26. Шободоев Е. Первый опыт охраны памятников сибирской истории // Земля Иркутская. 2006. № 3 (31).

МИХАЛЁВСКИЙ НЕКРОПОЛЬ

*Алла Юрьевна
Чукавина,
учитель
МОУ СОШ № 8,
пос. Большой Луг*

*Любовь Николаевна
Лузгина,
краевед,
г. Иркутск*

*Михаил Николаевич
Сапизhev,
педагог МОУ ДОД
«Центр развития
творчества детей
и юношества»,
г. Шелехов*

Приближается юбилейная дата — 350-летие города Иркутска. На 20 лет моложе Иркутска была деревня Михалёва, стоявшая выше по реке Ангаре.

Служивый человек, казачий пятидесятник Анисим Михалёв, плывя по Ангаре с отрядом казаков в 1669 году, обнаружил соляные источники, а затем — соляные «пожилины» на том самом месте, где ныне стоит город Усолье-Сибирское. Вместе с братом Гавриилом и его сыновьями Анисим Михалёв основал здесь деревеньку под названием Михалёва. Более 20 лет Гавриил Михалёв с сыновьями добывал соль в будущем Усолье. В то время Анисим нес «государеву службу», сначала в Иркутском, затем в Тункинском острогах.

Анисим Филиппов Михалёв известен как первооткрыватель многих месторождений полезных ископаемых на территории Восточной Сибири. Среди сибирского казачества Анисим Михалёв был влиятельным человеком. Его фамилия стояла после фамилии боярского сына Ивана Максимова сына Перфильева в челобитной от 8 декабря 1672 года о построении Иркутского Вознесенского мужского монастыря.

Михалёвский некрополь. 2009 г. Фото М. Сапижева

После смерти Гавриила в 1681 году Анисим Михалёв с племянниками и компаньонами уступает соляные промыслы иркутскому купцу Ивану Ушакову и обосновывается в 20 верстах от Иркутска, вверх по Ангаре, на левом берегу.

В писцовой книге 1686 года, составленной Ф.С. Сверчковым по приказу стольника и воеводы С.А. Собочина, сообщается: «Вверх по Ангаре реке — деревня, а в ней пятидесятник казачей Анисим Филипов сын Михалев, по сказке его, служил он великим государям в Енисейску изстари пятидесятничью службу, а ныне он служит великим государям по Иркутскому острогу пятидесятничью ж службу с пашни без хлебного жалованья, а на тое де пашенную землю и на сенные покосы в Иркутском в приказной избе из Енисейска отводная указная память, рыбных де ловель и птичих угодий нет, а служит он великим государям в Енисейску и в Иркутском сорок лет» (2, с. 10).

Известный в Иркутске краевед Ю.С. Душкин, проявляя большой интерес к личности Анисима Михалёва, в одном из своих краеведческих трудов пишет: «Его племянники числились иркутскими посадскими, платили оброк по одному рублю каждый. Иван Гаврилов сын Михалёв стал иркутским пешим казаком, в 1700—

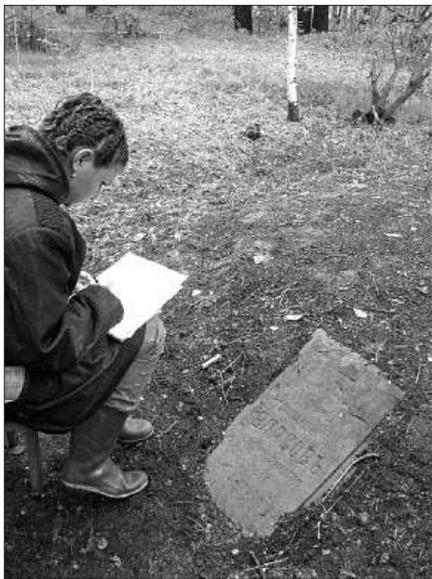
1704 г. в документах записан казачьим пятидесятником, получавшим деньгами пять рублей с полтиной, хлебом — пять четвертей с осминой, овсом — четыре чети, солью — два пуда в год. На живописном месте заимки образовалось село Михалёво...» (2, с. 10).

Многочисленные потомки Михалёвых три с лишним столетия жили здесь, на берегах Ангары, в месте пересечения сухопутных и водных дорог. В XVIII столетии в Михалёву деревеньку поселяются представители рода Власовых. Тесно переплелись родословные древа многих поколений Михалёвых и Власовых за три века.

До XX столетия село Михалёво входило в состав Смоленской волости Иркутского уезда, пережило освоение русскими поселенцами Сибири, декабристские времена, становление судоходства на Байкале. Мимо Михалёва проходили первые торговые караваны в Китай. Неподалеку от Михалёва, в Грудинино, был построен первый ангарский пароход «Николай I».

На рубеже XIX–XX веков здесь началось строительство отрезка Транссибирской магистрали от Иркутска до порта Байкал. Станция Михалёво была единственной железнодорожной станцией на этом пути. Село же Михалёво получило свое второе рождение, испытало настоящий

строительный бум. В долине реки Курмы вырос новый большой район села — Парки. Сюда из центра России потянулись многочисленные переселенцы. Недалекое расположение села от губернского Иркутска тесно связывало село с городом. В город ходили на заработки, некоторые сельчане, разбогатев, переезжали в Иркутск. В окрестностях Михалёва рубили древесину, которую сплавляли в Иркутск по реке Ангаре. Жители деревни Грудининой, расположенной в четырех верстах ниже по течению, на одном из крупных островов, поставляли на рынки Иркутска свежемолвленную рыбу (1, с. 42).

Изучение плит Михалёвского некрополя. 2009 г. Фото М. Сапижева

В середине XX столетия индустриальные планы развития Сибири предусматривали в первую очередь строительство гидроэлектростанций на Ангаре. Село Михалёво в числе других прибрежных поселений попало в зону затопления Иркутского водохранилища.

Жители Михалёва, покидая насиженное место, переселялись в Иркутск, в строящийся Шелехов, в поселок при железнодорожной станции Большой Луг на новой трассе железной дороги Иркутск–Слюдянка. Часть домов перевезли и во вновь образованный поселок на берегу будущего рукотворного моря — Новогрудино. Марина Ивановна Дусь (урожденная Власова) вспоминает, что подготовительные работы по затоплению начали уже в 1950 году. Вначале комиссия за комиссией приезжала, вели разъяснительные собрания, обещали помощь при переезде.

Началась подготовка будущего ложа водохранилища, вырубали лес по делянам. На этом можно было подзаработать. Приходили в семьи, где мужики покрепче, и предлагали обработку лесного участка. Отец и дед В.М. Ильина принимали участие в этом. Дед говорил: «Смотри, Миша, не более десяти сантиметров пеньки оставляй. А то не примут и ничего не заплатят». А комиссия и

впрямь была строгая.

По воспоминаниям бывших жителей Михалёво, с начала строительства Иркутской ГЭС было образовано новое место захоронений — Грудинское. Местным жителям разрешалось самостоятельно осуществлять перезахоронение близких на новом кладбище, под контролем медицинских работников. Старинное кладбище для поселений Михалёво и Грудино (расположенное в средней части южного склона пади Короткой) попало в зону затопления и подлежало уничтожению.

По воспоминаниям бывшей учительницы школы села Михалёво Лидии

*Одно из надгробий некрополя.
2009 г. Фото М. Сапигева*

***Борис Петрович Цапарь — потомок Михалёвых и Власовых.
2009 г. Фото М. Сапужева***

Семеновны Казачок, после того как многие жители села, перевезя свои дома, покинули Михалёво, начались работы по переносу кладбища из зоны затопления. По железной дороге привезли бригаду из Магадана — расконвоированные заключенные, врачи, охрана, жившие в вагонах прибывшего поезда.

Захоронения на старинном кладбище раскапывались, останки переносили на километр выше по склону, где для погребения их была выбрана территория заброшенного кирпичного завода. Братской могилой для останков жителей многих поколений старинных сел стала яма для выемки глины. Деревянные надгробия сожгли. На могилу был насыпан высокий слой грунта (не менее трех метров) в виде холма. У его подножья установили собранные со всего кладбища каменные надгробия.

Прошло более полувека. Уходят из жизни старики, помнившие историю Михалёвского и Грудининского поселений. Выросли новые поколения потомков Михалёвых, Власовых, Грудининых и других фамилий. Забыта дорога к «родному пепелищу».

С 2005 года в Шелеховском районе Иркутской области начало свою деятельность Михалёвское землячество. Инициативную

группу образовали бывшие жители села Михалёва Борис Петрович Цапарь, Виктор Афанасьевич Михалёв, иркутский профессор-геолог Мефодий Иванович Грудинин, бывший мэр города Шелехова Владислав Викторович Поздняк, краеведы Алла Юрьевна Чукавина и Любовь Николаевна Лузгина. Целью землячества стало пробуждение интереса представителей молодого поколения к истории родного края, родовым корням, духовное единение разных поколений Михалёвского землячества.

За короткий срок землячество организовало две экспедиционные поездки в окрестности бывшего села Михалёво с целью обнаружения перенесенного кладбища и его обследования. Был начат сбор информации об истории сел Михалёво и Грудинино, шло формирование их родословного фонда. Организованы встречи землячества в поселке Большой Луг и городе Шелехове. О результатах работ были сделаны сообщения на исторических чтениях в музее Г.И. Шелехова и в Иркутском обществе «Родословие». Архитектурно-этнографический музей «Тальцы» (директор В.В. Тихонов) предложил провести предварительную оценку

***Некрополь не должен быть забытым.
2009 г. Фото М. Сапижева***

Работа окончена. 2009 г.

территории Михалёвского некрополя как будущего исторического памятника.

Землячество обратилось в Центр развития творчества детей и юношества города Шелехова (директор Л.А. Дряхлова) с просьбой поручить проведение комплексных исследований Михалёвского некрополя туристско-краеведческому экспедиционному клубу «Наследники» (руководитель М.Н. Сапижев). Техническая поддержка экспедиции была оказана Попечительским советом образовательных учреждений Шелеховского района (руководитель А.В. Кожевин).

Экспедиция клуба «Наследники» состоялась в июне 2009 года. Участниками экспедиции стали активисты Михалёвского землячества и члены клуба «Наследники». Перед паспортизацией участники экспедиции организовали благоустройство территории Михалёвского некрополя.

В результате проведения исследовательских работ установлено:

1. Объект исследования имеет форму вытянутого с запада на восток прямоугольного холма.

2. Размеры: длина — 18,8 метра, ширина — 6,7 метра, высота — 0,57 метра.

3. С трех сторон (с севера, востока и юга) объект обнесен металлической оградой.

4. С трех сторон (с севера, востока и юга) у подножья объекта лежат 33 песчаниковые плиты с надписями. Произведены замеры всех плит с фотофиксацией.

5. Наверху в западной части установлены два могильных памятника из песчаника, имеющих форму четырехгранных усеченных пирамид; в восточной части — надгробие в форме металлического ажурного креста, с металлическим пьедесталом.

6. Анализ дат захоронений на надгробных памятниках свидетельствует о том, что в некрополе присутствуют каменные памятники с 1900 по 1929 год.

7. Чаще всего на каменных плитах встречается фамилия Власов — 13 раз, Михалёвы — меньше (5 раз). Имеются плиты с фамилиями Грудинины — 6, Платоновы — 3 раза. Есть захоронение Макеева, Шацкого, младенцев Непомнящих (2), нечитаемы надписи на семи плитах.

8. Шрифты:

— широкими печатными буквами;

— комбинация прописных и печатных букв;

— широкие прописные буквы;

— узкие прописные буквы, с наклоном влево.

9. Составлены схема некрополя, инвентаризационная ведомость и фотопаспорт объекта.

Выводы:

1. Каменные памятники Михалёвского некрополя не отражают пофамильный состав населения села Михалёво. Скорее, это показатель имущественного состояния жителей. Изготовление, доставка плит стоили достаточно дорого. Не каждая семья села имела возможность таким образом увековечить память своих умерших близких.

2. Появление памятников представителей рода Грудининых (особенно с характерным родовым именем Мефодий) и Платоновых, вероятно, обусловлено захоронениями умерших жителей села Грудинино на общем для двух сел кладбище.

3. Анализ шрифта надгробий и формы памятников свидетельствует, что над их изготовлением работали несколько мастеров.

4. Обнаруженный и обследованный Михалёвский некрополь, несомненно, может стать еще одним памятником истории Прибайкалья, он является памятным местом родов Михалёвых и Власовых, чьи предки жили в селе Михалёво около трех веков.

5. Михалёвский некрополь находится на территории бывшего кирпичного завода. Кирпичный завод на сегодняшний день — возможно, единственный сохранившийся памятник кирпичного производства конца XIX–XX столетия в районе Иркутска. На территории завода обнаружены ямы с подземными печами для обжига, фрагменты «сварившегося» кирпича. Это дает основание считать данную местность комплексным историческим памятником.

В завершение работы экспедиции был установлен деревянный памятный знак с надписью: «Здесь предковъ наших прах зарыть». В торжественной обстановке произошло возложение цветов на братскую могилу. Б.П. Цапарь сказал: «По инициативе уроженцев села Михалёво, жителей Шелеховского района предпринята эта попытка восстановить историю села, его жителей, той территории, на которой несколько веков кипела жизнь. С обнаруженного вновь совсем недавно и обследованного краеведами разного возраста Михалёвского некрополя потянется ниточка к повествованию под общим названием „Михалёво“».

Примечание.

Исследование Михалёвского некрополя вызывает закономерный вопрос о возможном месте захоронения казака-пятидесятника Анисима Михалёва, личности исторической. Его имя, а стало быть, и место его захоронения к началу XX столетия жителями села, его потомками, были забыты. Согласно архивным источникам, Анисим Филиппов Михалёв являлся не последним человеком в Иркутском остроге. Вряд ли человек его ранга обрел свое пристанище в основанной им деревне. За заслуги свои он, скорее всего, захоронен в окрестностях Спасской церкви или в ограде какого-либо из иркутских монастырей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грудинин М.И. Варварин лесик. Иркутск, 2007.
2. Душкин Ю. Соль земли // Земля Иркутская. 2000. № 13.
3. Иркутск: Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1883.

ПО СЛЕДАМ СЕМЕЙНЫХ ПРЕДАНИЙ (ИСТОРИЯ ДИНАСТИИ СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЕЙ ПОПОВЫХ И СИЗЫХ)

*Ефросиния Семеновна Ноговицына,
научный сотрудник Национального
художественного музея
Республики Саха (Якутия),
г. Якутск*

У меня часто спрашивают, почему меня интересуют Поповы и Сизых? Я, как и все жители Якутии, воспитана на произведениях таких уроженцев Таттинского улуса — основоположников якутской литературы, как П.А. Ойунский, А.Е. Кулаковский, Н.Д. Неустроев, Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон, Н.Е. Мординов-Амма Аччыгыйа, и изучаю работы тех, кто отбывал ссылку на таттинской земле. В сельской библиотеке мы, школьники, восхищались толстыми томами «Словаря якутского языка» и запомнили на всю жизнь имя его создателя Э.К. Пекарского. О художнике И.В. Попове рассказывал учитель истории С.Д. Сметанин. Слушая его, мечтала увидеть подлинники произведений этого художника, особенно почему-то интересовала картина «Теленок». Но мы не знали, что народный художник Якутии Иван Васильевич является любимым внуком протоиерея Димитриана Дмитриевича Попова, оказавшего помощь Э.К. Пекарскому в создании «Словаря якутского языка». Вот о нем никто никогда и ничего не рассказывал. Статьи о Д.Д. Попове стали появляться совсем недавно, но я заметила, что биографические данные в них расходятся (1). Поэтому стала записывать все, что удавалось обнаружить в архивных документах, и сегодня хотелось бы рассказать о своих поисках, находках по истории династии Поповых. Следует отметить, что читателю сперва трудно будет разобраться в прародителях Поповых, так как они происходят от двух родов, носивших одинаковую фамилию и хранящих в памяти разные легенды о происхождении своего рода.

В 1950-х годах родословную Поповых написал Пантелеймон Васильевич Попов, историк-краевед, художник, педагог. Он тогда остался последним, кто помнил рассказы родителей о своих предках. Эти записи П.В. Попов подарил будущему искусствове-

ду И.А. Потапову, собиравшему материалы о первых художниках Якутии и прежде всего о своем родном брате — народном художнике И.В. Попове. Эти данные вошли в книги И.А. Потапова и Д.К. Сивцева-Суоруна Омоллоона (2). Подлинный текст записей П.В. Попова впервые опубликован в 2002 году в журнале «Якутский архив» (3).

П.В. Попов писал, что его прадед по отцовской линии Андрей Попов «был выходцем из города Рязани и в качестве рабочего какой-то промысловой шхуны попал в Америку (на Аляску), сначала на остров Кадьяк, а затем на остров Ситху, в Новоархангельск, где жил до самой смерти. Здесь он сошелся с алеуткой, которая родила в 1828 (?) году сына, моего деда. Последний после смерти родителей в 17 лет устроился пономарем в церкви. В сороковых годах решил двинуться в сторону России и смог добраться только до Алдана, а затем до Усть-Уды, где устроился тоже пономарем в Усть-Удинской церкви» (4).

О Русской Америке написано много, из некоторых публикаций стало известно о том, что там жили и якуты, выходцы из центральных улусов Якутии (5). В них указано, что попасть на Аляску было не так-то просто. Нужно было владеть каким-то мастерством и заключить договор с Российско-американской компанией на определенный срок. На Аляске существовала традиция, заложенная еще первыми правителями, согласно которой детей, рожденных от смешанных браков, брали на особый учет (6). Поэтому казалось, что можно легко найти данные о семье Поповых в фондах архивов.

К сожалению, их обнаружить не удалось. Но выявлены документы, освещающие жизнь сына Андрея Попова — Степана. Это клировые ведомости Чурапчинской Вознесенской (1860) и Алданской Воскресенской (1869) церковью (7). На основе их данных установлено, что Степан Андреев Попов учился в Якутском духовном училище и был отчислен в 1839 году по болезни. Далее он служил в Удской Николаевской церкви (ныне Приморский край), в июне

*Протоиерей Д.Д. Попов.
Картина написана внуком,
народным художником Якутии
И.В. Поповым*

Семья Поповых в 1912 г. Сидят (слева направо): С.Н. Попова (жена священника Инн. В. Попова) с детьми, К.Д. Попова (мама и бабушка, дочь протоиерея), В.С. Попов (отец и дедушка, сын дьячка С.А. Попова), Т.В. Аверенская (Попова). Стоят: священник Инн. В. Попов, Пант. В. Попов (студент Казанской духовной академии), Н.В. Попов (убит белобандитами в 1922 г.), И.В. Попов (будущий народный художник Якутии, известен как собиратель этнографических коллекций)

1847 года епископом Камчатским, Курильским и Алеутским Иннокентием (Вениаминовым) был посвящен в стихарь. Степан Попов вернулся в Якутию в 1852 году. В 1868 году Степану и его жене Ефимии Михайловне было по 37 лет, у них были девятнадцатилетний сын Василий и девятилетняя дочь Анна. В документах нет данных о родителях С.А. Попова, указано только, что он «диаконский сын». В 1867 году С.А. Попов получил награду от Святейшего синода — Благословение за денежные пожертвования (20 тыс. р.) для бедных духовного звания. Оригинал Свидетельства удалось найти в литературно-этнографическом музее-комплексе «Хадаайы» Таттинского улуса. Там же хранится аттестат В.С. Попова об окончании Якутской духовной семинарии 15 июля 1870 года, в нем указано, что он сын дьячка Алданской Воскресенской

церкви. В 1871 году С.А. Попов умер и похоронен в селе Чурапча, куда семья Поповых, видимо, переехала после окончания сыном семинарии.

Степан Андреевич Попов прожил всего 40 лет. Его жена Ефимия Михайловна после смерти мужа жила с семьей сына Василия, служившего в Таттинской Николаевской часовне. Ей посчастливилось стать крестной внука Ивана в мае 1874 года. Но она умерла в том же году 18 октября от воспаления легких, оставив на попечении сына дочь Анну (8). Следует отметить, что молодые супруги Василий Степанович и Капитолина Димитриановна Поповы похоронили троих детей в младенческом возрасте (9).

Биограф семьи П.В. Попов о прародителях по материнской линии писал: «По свидетельству последней [матери] и моего родного дяди Иннокентия Димитриановича Попова, прадед моей матери Семен Попов был русским выходцем из центральных губерний Европейской России и прибыл на Лену в конце 18-го столетия и осел в с. Покровске, в 80 км южнее города Якутска, где и умер в должности священника Покровской церкви. Сын его Дмитрий, женившись на дочери прибывшего с Украины Терентия Дьячковского, оставался до конца жизни в с. Покровске, относя обязанности дьякона. После его смерти осталась большая семья, в том числе и малолетний сын Димитриан (мой дед по матери); моя семья терпела большую нужду. Дед мой Димитриан сначала учился в Якутском духовном училище, а затем в Иркутской духовной семинарии, которую окончил в 1846 году; во время учебы он проявлял блестящие способности к языкам, особенно латинскому языку. Вскоре он возвращается в г. Якутск, где работает в духовной школе в качестве учителя греческого и русского языков и арифметики, а затем инспектором духовных школ. Здесь он тесно подружился со священником Дмитрием Хитровым (будущим якутским епископом) на почве изучения якутского языка. Вскоре друг его Хитров убедил его принять сан священника» (10).

Сведения о деде и отце протоиерея Д.Д. Попова выявлены в клировых ведомостях Кангаласской Покровской церкви (11). Оказывается, они прибыли в Якутск из города Киренска, где в разные годы несли службу в Киренском Спасском соборе. Там Терентий Иоаннович Дьячковский, дьяческий сын, 6 апреля 1785 года был посвящен в стихарь. 10 мая 1789 года уже в Якутской кафедральной Троицкой церкви он был рукоположен в диакона, а 2 мая 1792 года — в священника. Жену Т.И. Дьячковского звали Феодосия Никифоровна. Она умерла в конце 1831 или начале 1832 года, так как в 1832 году Терентий Иоаннович был вдов и на его иждивении были дочери Татьяна, Феодосия и осиротевшие внуки: Николай,

Александр, Евода и Екатерина — дети сына, священника Удской церкви Гермогена (12).

Историк Г.А. Попов писал, что Т.И. Дьячковский в Якутии священствовал с 1792 года в течение 55 лет. Попов нашел упоминание о нем в путевых записках Преосвященного Нила: «из 8 тысяч прихожан Кангаласской церкви $\frac{2}{3}$ их считают о. Терентия своим Просветителем» (13).

Старшая дочь Т.И. Дьячковского Капитолина в 1831 году была замужем за Дмитрием Симеоновичем Поповым, сыном священника. Д.С. Попова в 1794 году определили пономарем в Киренский Спасский собор, где 5 октября 1803 года он был рукоположен в дьячка. А 8 июля 1815 года уже в Градо-Якутском Троицком соборе его рукоположили в диакона. В августе 1816 года Д.С. Попова перевели в Кангаласскую Покровскую церковь. В 1831 году в семье Д.С. и К.Т. Поповых были сыновья Иннокентий, Дмитриан и дочери Августа, Маргарита, Манефа и Александра. В тот год отцу семейства Дмитрию Симеоновичу было 45 лет. В 1830 году старшего сына Д.С. и К.Т. Поповых Иннокентия отчислили из духовного училища по болезни, а в 1832 году определили пономарем. Младшего сына, Дмитриана, отец сам обучал грамоте, и он в 1833 году поступил в духовное училище (14). Но Поповы прожили недолго. В ведомости за 1834 год перечеркнуто имя Д.С. Попова (15). В 1840 году на иждивении дьячка И.Д. Попова (старшего сына Д.С. Попова) находились сестры Маргарита, Манефа, Александра и брат Дмитриан — студент Иркутской духовной семинарии (16). Иннокентий Дмитриевич был женат на Анне Ионовне (17), но, видимо, детей у них не было. В ведомости 1857 года Анна Ионовна записана как «дьяческая вдова» (18).

Имя матери — Капитолина — протоиерей Д.Д. Попов дал двум дочерям, а брата Иннокентия — сыну и внуку, и пока никто не знает, ездил ли он к родным, поддерживал ли связь с ними.

В фондах архива удалось выявить и дело о рукоположении Д.Д. Попова в священника, в котором все листы документов написаны собственной рукой будущего протоиерея (19). Оказывается, 16 марта 1850 года он, будучи инспектором Якутского духовного училища и учителем уездного училища низшего отделения, написал прошение Нилу, архиепископу Иркутскому, Нерчинскому и Якутскому с просьбой зачислить его вторым священником в Ытык-Кельскую Преображенскую церковь и дать разрешение на брак с девицей из духовного сословия. Если будут удовлетворены эти просьбы, он также просил о выдаче беспроцентной ссуды в размере 100 рублей серебром из казны Градо-Якутской Преображенской церкви со сроком на два года. Д.Д. Попов объяснил, что просит деньги из-за того, что «не желает оставить свое звание,

***Т.Ф. Попова (Косыгина) с сыновьями
Иннокентием и Николаем***

дороговизны жизненных продуктов в Якутске, бедности <...> состояния и трудности займа денег у кого-либо из якутских капиталистов» (20).

Прошение Д.Д. Попова было внимательно изучено, и, так как он проявил себя на службе только с хорошей стороны, видимо, все его просьбы были удовлетворены.

17 октября 1850 года Д.Д. Попов написал второе прошение с просьбой разрешить жениться на высватанной невесте, священнической дочери Татьяне Косыгиной. Венчание состоялось в Иркутской Прокопьевской церкви 29 октября 1850 года. В свидетельстве

указано, что Татьяна Косыгина «дочь умершего священника Усть-Кутской Спасской церкви Федора Маркова Косыгина» (21). 1 ноября Д.Д. Попов пишет третье прошение с просьбой рукоположить его в священника, прилагая к прошению «свидетельство о венчании и аттестат за училищную службу» (22) (аттестата, к сожалению, в деле нет).

6 ноября 1850 года в Иркутской духовной консистории состоялся «допрос» Д.Д. Попова. Ему задавали много вопросов, касающихся его здоровья, отношения к будущим доходам, и даже интересовались тем, купил ли у кого место службы или заключил с кем-нибудь договор, чтобы его получить. С 20 ноября 1850 года Д.Д. Попов был рукоположен в диакона, 23 ноября — в священника. В личном деле сохранились его клятвы, данные при рукоположении в диакона и священника, имена священнослужителей, проводивших рукоположение (23).

В изданных ранее работах указывалось, что Д.Д. Попов приехал из Иркутска с молодой женой и тещей (24), также извест-

Николай Иванович и Анна Николаевна Сизых с дочерью (возможно, Вера). Начало XX в.

но, что теща Агриппина Косыгина умерла и похоронена в селе Ытык-Кель (25). Но в архиве сохранилось дело, содержание которого свидетельствует, что вдова священника Агриппина Косыгина приехала в Якутск весной 1852 года вместе с невесткой Натальей Фортунатовной и дочерью Анной для «жительства у сына», причетника Якутской кладбищенской церкви Лавра Косыгина (26). Лавр же Косыгин был определен к этой церкви 19 сентября 1851 года, до этого он служил в Иркутском Богоявленском соборе звонарем (27). Надеемся, что найдутся данные и об этой семье, а пока из архивных документов известно, что Анне Косыгиной в 1861 году давали увольнение в Иркутск на годичный срок (28), а

в 1853–1855 годах Лавр Федорович был в Якутске (29). Требуют отдельного исследования и некоторые данные из семейной легенды о том, что А.С. Косыгина после смерти мужа была няней у декабристов Волконских или Трубецких и что ее дочь Татьяна Федоровна училась в Сиропитательном доме Е.М. Медведниковой.

Изучать биографии известных людей очень сложно. Из-за одной неверно указанной даты или имени все путается. Наше исследование могло зайти в тупик, но помощь оказали потомки протоиерея Д.Д. Попова, правнуки священника В.С. Попова — Владимир Ильич Сизых и Николай Михайлович Слепцов. Они же внуки священника Иннокентия Васильевича Попова, родного брата народного художника Якутии И.В. Попова.

Художники знают В.И. Сизых как лучшего столяра Якутских художественно-производственных мастерских Художественного

фонда РСФСР. Даже после выхода его на пенсию они к нему обращаются, если нужно сделать добротную красивую раму для их произведений. А первый подрамник Володя Сизых сделал для своего дяди — художника И.В. Попова в 1944 году для картины «Зверство бандитов» (30).

В.И. Сизых — потомок священнослужителей по отцовской и материнской линии. Но если родословная Поповых все-таки изучена, то о семье Сизых почти не было данных, кроме воспоминаний учеников его отца Ильи Николаевича. Затем некоторые данные о священнослужителях Сизых появились в книге И.И. Юргановой «Церкви Якутии (краткая история)» (31). Сейчас нам удалось установить, что якутские Сизых происходят от священника Иоанна Петровича Сизых, сына пономаря. Он обучался до класса словесности в Иркутской духовной семинарии. В 1841 году был определен дьячком к Градо-Иркутской Владимирской церкви. 1 ноября 1842

года по прошению переведен к Архангельской церкви. 21 февраля 1847 года переведен в кафедральный собор псаломщиком и певчим архиерейского хора (кстати, Владимир Ильич очень хорошо поет, у него прекрасный голос, а у отца, говорят, был еще лучше). 30 марта 1853 года по прошению переведен в Якутский Троицкий собор. И.П. Сизых в ноябре 1853 года святителем Иннокентием Вениаминовым рукоположен в диакона к Амгинской Преображенской церкви, 1 октября 1862 года рукоположен в священника. В 1866 году награжден Благословением за пожертвование в пользу бедных духовного звания. Он умер в 1879 году, ему было 56 лет. Жену звали Екатериной Дионисиевной. Дети: Андрей (1844), Агния (1845), Николай (1848), Екатерина

Дети Н.И. Сизых, внуки И.П. Сизых. Стоят (слева направо): Андрей, Алексей, Сергей. Сидят: Александра и Илья

И.Н. и Л.И. Сизых, родители В.И. Сизых

(1851), Александра (1853), Анна (1855), Александр (1859), Анатолий (1861), Иннокентий (1863), Михаил (1867) (32). Сыновья все стали священнослужителями, о дочерях пока нет сведений.

Отец Владимира Ильича Сизых — внук Николая Ивановича. Он учился в духовном училище, но признан как народный учитель. Илья Николаевич принял участие в Первой мировой войне и вернулся на родину в 1917 году, работал учителем в разных школах. Умер в 1943 году. Первая жена Ильи Николаевича Елена была дочерью священника Федора Ивановича Попова (эти Поповы родом из других мест, их родословная, кажется, не изучена), родной сестрой одного из первых большевиков Якутии Александра Федоровича Попова, друга и соратника М.К. Амосова — первого руководителя Республики Якутия. Оба репрессированы в 1938 году (33). Илья Николаевич после ее смерти женился на дочери священника Инн. В. Попова, о предках которых пишем.

В 2009 году мы, изучая историю династии Сизых, познакомились с Инессой Непомнящих из Томской области, Ириной Дохтуровой из Якутска. Они тоже потомки священника И.П. Сизых и изучают свои родословные. Потом нашли статью М.Р. Новосёловой (34) и очень огорчились по поводу ее ухода из жизни. Мы не сомневаемся в том, что она очень обрадовалась бы тому, что в Якутии есть представители династии Сизых. Якутские Сизых — очень интересные люди. Некоторые из них с чисто якутской внешностью. Пока известно, что псаломщик Андрей Николаевич Сизых (прадед И. Непомнящих) женился на Евдокии Коноваловой, имеющей двух сыновей от якута Иннокентия Ефимова. Мы предполагаем, что Иннокентий Ефимов — один из трех сыновей бо-

гатого купца из Верхоянского округа. Он был убит в 1920-х годах. Евдокия умерла в те же годы, а А.Н. Сизых примкнул к повстанцам, был в Китае, Японии и его репрессировали вместе с зятем (мужем Александры Николаевны Сизых), тоже священнослужителем И.С. Поповым. Самое интересное, Ефимовы и Сизых дружат с очень давних времен и сегодня хранят верность этой дружбе. Мне о Ефимовых рассказал Владимир Ильич еще задолго до знакомства с И. Непомнящих, знавшей легенду о любви своего прадеда. Оказалось, что в 1970-х годах В.И. Сизых побывал в гостях у Афанасия Спиридоновича, родного брата Иннокентия Ефимова. А.С. Ефимов был вынужден покинуть родину в 1923 году, он жил и умер в Симферополе. А его адрес дал племянник, заслуженный учитель Якутской Республики Степан Алексеевич Сизых, сын священника Алексея Николаевича. Оказалось, что А.С. Ефимов и С.А. Сизых были одноклассниками и поддерживали связь тайком до конца своей жизни. В.И. Сизых в ходе разговора выявил, что Афанасий Спиридонович дружил с художником И.В. Поповым, хранил его фотографии и картину.

Слушая рассказы В.И. Сизых, иногда думаю, что, видимо, гены передаются не так, как считают ученые. Я знакома с потомками известных купцов, мещан, дворян, и в каждом из них чувствую отпечаток или отголосок сословия. В.И. Сизых всегда смеется: «У меня образование на уровне букваря». Он в годы войны не смог продолжить учебу в школе и вынужден был с 11 лет кормить семью. Но какой он интересный человек! С молодости собирал старинные фотографии, брошенные на помойку церковные книги, журналы. Впоследствии он их переплел с помощью дяди И.А. Аверенского и дарит музеям. После каждого разговора с ним бегу в библиотеку, еще и еще раз изучаю описи дел в архиве, звоню сотрудникам музеев и открываю для себя такие страницы истории! Владимир Ильич один раз побывал в Иркутске и, листая телефонную книгу, удивился тому, что в городе и его пригородах живет очень много носителей фамилии Сизых, и он при первых встречах говорил мне, что его предки могут быть уроженцами Иркутской области, и сейчас очень радуется выявлению их имен. Кстати, в 1848 году из Иркутска прибыл выпускник духовной семинарии Александр Прокопьевич Сизой. Он, так же как и Д.Д. Попов, работал в духовном училище и в один год с ним был рукоположен в священника. По всей видимости, он служил со святителем Иннокентием Вениаминовым. Документы на него только недавно нашла, да и то потому, что его фамилию в описи написали «Сизых».

В 2008 году узнала, что Владимир Ильич подарил музею Таттинского улуса шкатулки, сделанные прапрадедом протоиереем

Д.Д. Поповым и дедом священником Иннокентием Васильевичем. Он их получил от дяди — сына Татьяны Васильевны Аверенской (Поповой), родной сестры деда. Позже амбар Аверенских сгорел, и можно предположить, что пожар уничтожил удивительные страницы истории Якутии, ведь приказчик Александр Алексеевич Аверенский был не только зятем Поповых, но и другом и помощником художника И.В. Попова. Он от его имени отправлял посылки с уникальными этнографическими предметами коллекционеру Е.И. Александру в Санкт-Петербург, от которого они попали в музеи Германии (35). А.А. Аверенский был родным братом купца Николая Алексеевича Аверенского, ставшего первой жертвой национализации в Якутске (36). Опять-таки недавно нашла документы, из которых узнала, что в магазине Н.А. Аверенского продавали фотокамеры, фотоаппараты и все, что нужно для занятий живописью, то есть он своим ремеслом способствовал развитию кино-, фото- и художественного искусства.

Несколько слов хотелось бы сказать о другом праправнуке протоиерея Д.Д. Попова и внуке священника Инн. В. Попова — Николае Михайловиче Слепцове. Николай Михайлович занимается составлением родословной потомков протоиерея Д.Д. Попова и пишет статьи о своих предках (37). По отцовской линии он еще потомок рода Слепцовых — известных купцов, меценатов, краеведов из Таттинского улуса. В научном кругу из них наиболее известен Петр Вонифатьевич Слепцов (1881–1932), друг политссыльных, активный сотрудник общества «Саха кэскилэ», знаток и собиратель фольклора, участник Хатанго-Анабарской экспедиции 1927 года. П.В. Слепцов во время паводка на Неве, спасая семью бывшего политссыльного И.И. Майнова, сильно простудился и умер в 1934 году (38).

В.И. Сизых и Н.М. Слепцову было по 15 лет, когда умер их дядя, народный художник И.В. Попов. Владимир Ильич с особой благодарностью и нежностью вспоминает, как Иван Васильевич в голодные военные годы делился с ним мукой, засыпая ее в граненый стакан. Иногда Володя по его просьбе собирал грибы и получал за труд рубль. А Н.М. Слепцов воспитывался у бабушки с бабушкой, то есть в семье священника Инн. В. Попова. В 1940 году после смерти бабушки Степаниды некоторое время жил с бабушкой в доме И.В. Попова. Он помнит и другого дядю, сына протоиерея Д.Д. Попова, бывшего полковника Николая Димитриановича Попова, в годы советской власти ставшего стекольщиком, переплетчиком и огородником. Жизнь Николая Димитриановича, мне кажется, нужно изучать отдельно. Он ушел с 3-го курса духовной семинарии и поступил в юнкерское училище (Иркутск), участвовал в Русско-японской войне, дружил с генералом Д. Кар-

бышевым, в начале XX века вернулся на родину, командовал гарнизоном, а в 1918 году добровольно сдал оружие новой власти.

В книге об Э.К. Печкарском написано, что личный архив протоиерея со всеми его дневниками, рукописями был предан огню его родным сыном в 1899 году (39). 1899 год — год смерти жены Димитриана Попова Татьяны Федоровны. На семейном молитвеннике Поповых сохранилась запись о том, что Николай Димитрианович приехал в августе в Ытык-Кель и уехал в ноябре после похорон матери, умершей 5 октября (40).

В.И. Сизых и Н.М. Слепцов не верят, что такое могло случиться.

Им рассказывали, что, наоборот, Николай Димитрианович передал бумаги отца в архив, только не помнят в какой. Кроме того, Н.Д. Попов спас надгробный памятник отцу в 1935 году. В тот год умер его единственный сын. Он похоронил его на самом отдаленном от села кладбище, а на могиле установил «чугунное надгробие своего отца, предварительно облицевав его листовой жстью и снабдив соответствующей надписью» (41).

Летом 2008 года Н.М. Слепцов ездил в Ытык-Кель и восстановил надписи с надгробного памятника протоиерею Д.Д. Попову:

«Протоиерей Димитриан Димитрианович Попов, кавалер орденов Анны 2-й и 3-й и Владимира 4-й степени, член Восточно-сибирского отдела Императорского Русского географического общества.

Родился 10 июня 1827 г. прослужил в сем Ытык-Кельском приходе 45 лет 6 месяцев и много потрудившись над созданием и украшением двух священных храмов сего прихода.

А.Н. и Е.Н. Сизых. 1910 (?) г.

***П.В. Попов.
Ангарск, 1957 г.***

Опочивший от трудов своих 29 апреля 1896 г. на 70 году своей многополезной жизни лучшей памятью которой послужат его труды по переводу Богослужебных книг на якутский язык.

Мир праху твоему добрый отец друг и пастырь вечная тебе память и да велит Господь душу твою идеже праведницы почиваются» (42).

Поиски документов по истории династии Поповых продолжают-ся. Мы не теряем надежду найти американские корни Поповых, хотя это очень сложно. Но время жизни Андрея Попова, если он действительно жил в Русской Америке, совпадает со временем деятельности святителя Иннокентия. Возможно,

в его записях обнаружится имя диакона Андрея Попова. Кроме того, ведутся поиски детей и внуков биографа семьи П.В. Попова, выехавших в 1950-х годах в Иркутскую область, точнее в город Ангарск. Возможно, у них сохранилась часть личного архива Пантелеймона Васильевича. Он всерьез задумался над описанием жизни и деятельности своих предков в 1952 году (43). В тот год Пантелеймон Васильевич начал работу и над изданным недавно «Историко-графическим атласом г. Якутска в 1917 г.» (44). В атласе он не указал свое родство с Аверенскими (семья родной сестры Татьяны), Бушковыми (семья родной тети Анны, единственной сестры отца Василия Степановича), П.Я. Бонячуком (зять протоиерея Д.Д. Попова) и другими. Но пишет об их занятиях, увлечениях, то есть раскрывает неизученные страницы из жизни династии Поповых. По сути, в атласе описаны люди, которых он знал с детства: с кем-то дружил, кого-то уважал, у кого-то учился, с кем-то ссорился... Атлас был подготовлен к печати в 1957 году, но увидел свет только в 2009-м, то есть через 52 года после написания. Не издали его по очень простой причине, дескать, П.В. Попов писал только о священниках, купцах, мещанах, дворянах... Осенью 1957 года Пантелеймон Васильевич вернулся на прародину своих предков, тосковал по своей родине — Якутии. В 1959 году Пантелеймон Васильевич написал воспоминания о годах детства, проведенных в Чурапчинском, Томпонском и Таттинском улусах. Об этом узнала из рецензии, написанной заместителем директора краеведческого музея

И.Д. Новгородовым. Иван Дмитриевич попросил его написать о судьбе брата Иннокентия Васильевича, так как П.В. Попов упоминал о нем только в начале и конце воспоминаний (45). Мы не знаем, учел ли автор замечания И.Д. Новгородова, так как неизвестно местонахождение работы, но, несомненно, Иван Дмитриевич отправил ее обратно вместе с рецензией в Ангарск, где жил П.В. Попов.

П.В. Попов — выпускник Казанской духовной академии, кандидат богословия, человек удивительной судьбы, покоится в ангарской земле, а его потомки не знают, что научное наследие деда на родине привлекло внимание науки и общества и начат сбор материалов о славной династии Поповых. В Иркутской области, должно быть, живут Савостины (потомки старшей дочери Галины; известно, что у нее было трое детей: Олег, Людмила и Игорь), Белобородовы или Белгородовы (потомки младшей дочери Маргариты; у нее было две дочери — Светочка и Наточка). В 2007 году из Москвы приезжал внук П.В. Попова Борис

Семья П.В. Попова. Казань, 13 июня 1958 г. Сидят (слева направо): Борис Попов (внук), Юлиан (сын), Любовь Ивановна (первая жена), П.В. Попов, Игорь Савостин (внук). Стоят: Мария Георгиевна (жена Юлиана) и семья Савостиных (Галины Пантелеймоновны): Людмила, Олег, Григорий и сама Галина

**Б.Ю. Попов,
внук П.В. Попова**

Юлианович, ставший главным специалистом Монетного двора. Он же реставрирует особо ценные старинные книги, иконы. Вот так проявилась в нем творческая жилка Поповых. Он сейчас поддерживает связь с родственниками, переписывается и со мной. В этом году Борис Юлианович должен был побывать в Иркутске, Ангарске, но в связи с болезнью матери не смог осуществить мечту.

Дед Сизых и Слепцовых священник Инн. В. Попов, видимо, с детства отличался от других братьев, был более основательным, хозяйственным. Может быть, Кеня, как звали его в детстве, старался быть похожим на деда Д.Д. Попова, своего крестного отца. Он в 1904 году был рукоположен в священника и назначен иереем Ытык-Кельской Преображенской церкви,

то есть от отца принял храм, построенный под руководством деда. Священник Иннокентий, как и дед, заботился о церкви, занимался ее ремонтом, реставрацией иконостаса, икон, привлекая к этой работе старшего брата Ивана. Возле церкви была построена новая колокольня, на средства прихожан выписали колокол, и 26 ноября 1910 года его торжественно закрепили (46).

К сожалению, священник Иннокентий стал свидетелем его разрушения в 1930-х годах. Трагедию деда видели внуки В.И. Сизых и Н.М. Слепцов. В течение многих лет они по крупицам собирали сведения о своем роде, разыскивали родственников, пытались возродить былое единство рода.

В конце августа 2009 года я побывала в Иркутске и сразу почувствовала, что в этом городе все дышит историей моей родины, родословной моих знакомых. Конечно, очень жалко, что фонд архива, с которым хотела поработать, закрыт. Но я переписывала рукопись протоиерея Д.Д. Попова, написанную незадолго до его смерти и исправленную Э.К. Пекарским. За два дня обошла почти все музеи Иркутска, и некоторые удивлялись: «В голове не перемешается вся информация?» Конечно нет. Мне было интересно в краеведческом музее, поскольку

знаю, что для его организации священнослужители Якутии в 1850–1851 годах собирали экспонаты. Совсем недавно узнала имена других собирателей, в том числе С.А. Подьяконова, С. Пархоменко, и ищу данные о них, так как узнала, с какой любовью и уважением они собирали коллекции о малых народах Якутии, хотя оба приезжали изучать богатства ее недр. Знаю также, что иркутские художники в 1920-х годах оказали помощь в создании нашего художественного музея. В Музее городского быта чуть не всплакнула, так как, увидев коллекцию чая, вспомнила детство, бабушку, дедушку и родителей. Никогда не думала, что простая обертка чая может так всколыхнуть память. Но больше всего обрадовалась встрече с Ю.П. Лыхиным, редактором журнала «Тальцы», членом общества «Родословие». Разговаривая с ним, поняла, как тесно переплетены судьбы жителей Иркутской области и Республики Саха (Якутия), и даже хочу составить план сотрудничества, поскольку не у каждого есть возможность ездить и работать в архивах наших городов, и, наверное, смогу оказать помощь тем, кто потерял нить поиска родных в Якутии. Очень хотела бы, чтобы члены общества «Родословие» организовали в области систему поиска, которая всем нам облегчила бы работу. Думаю, что из Якутии будут обращаться и другие люди, ведь многие сегодня изучают родословные. Мне, например, крайне нужно найти потомков П.В. Попова, о которых написала выше.

***Семья В.И. Сизых: Марфа Алексеевна, Владимир Ильич,
Евгений и Лариса***

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См., например: Попова Л.С. Протоиерей Димитриан Попов на службе веры, здоровья и просвещения // На службе Богу и якутскому народу: материалы православных конференций. Якутск, 2006. С. 172–177; Ефремов Н.Н. Протоиерей Д. Попов — просветитель народа Саха // Там же. С. 178–181.

2. Потапов И.А. Первые художники Советской Якутии. Якутск, 1979. С. 30–31; Основоположники изобразительного искусства Якутии. Иван Васильевич Попов / сост. Д.К. Сивцев-Суорун Омоллоон. Якутск, 2003. С. 5.

3. Ефремов Н.Н. К биографии П.В. Попова: (публикация документа) // Якутский архив. 2002. № 3. С. 100–102.

4. Там же. С. 101.

5. См., например: Парникова А.С. О пребывании якутов на Аляске в середине XIX века // Якутский архив. Якутск, 1966. С. 199–203; Яковлева М. Якуты Русской Америки // Илин. 2006. № 6. С. 48–51.

6. Судьбу детей священнослужителей, рожденных в Русской Америке, изучал американский историк русского происхождения В.П. Петров. Нам удалось ознакомиться с его книгой, переведенной на русский язык: «Русские в истории Америки» (М., 1991).

7. Национальный архив РС (Я) (далее НА РС (Я)). Ф. 226-и. Оп. 5а. Д. 687, 402.

8. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 8. Д. 19. Л. 61 об.

9. Из семейного архива Н.М. Слепцова.

10. Ефремов Н.Н. К биографии... С. 102.

11. НА РС (Я). Ф. 247-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 2 об.–3.

12. Там же. Л. 2 об.

13. Попов Г.А. Миссионерство в Якутском крае // Илин. 2000. № 1. С. 52.

14. НА РС (Я). Ф. 247-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 8 об.

15. Там же. Л. 13 об.

16. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 5а. Д. 27. Л. 53–54.

17. НА РС (Я). Ф. 247. Оп. 1. Д. 1. Л. 53 об.

18. Там же. Л. 155 об.

19. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1281. Л. 1–12.

20. Там же. Л. 1 об.

21. Там же. Л. 6.

22. Там же. Л. 5.

23. Там же. Л. 8–12.

24. Потапов И.А. Указ. соч. С. 31.

25. Из семейного архива Н.М. Слепцова.

26. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Д. 1379. Л. 1–2.
27. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 5а. Д. 149. Л. 5 об.
28. НА РС (Я). Ф. 225-и. Оп. 1. Т. 5. Д. 3385. Л. 1–4.
29. Там же. Т. 3. Д. 1448. Л. 1–9.
30. Из воспоминаний В.И. Сизых.
31. Юрганова И.И. Церкви Якутии: (краткая история). Якутск, 2005. С. 129–130.
32. НА РС(Я). Ф. 226-и. Оп. 5а. Д. 1168.
33. Григорьев Д. Ылдьаа учуутал (Об Илье учителе) // Кыым. 1988. С. 3.
34. Новосёлова М.Р. Фамилия Сизых в Иркутской губернии (области) в XVII–XX веках // Тальцы. 2003. № 3 (19). С. 18–30.
35. Попова Л.С. О чем рассказывают старые письма: (из архива И.В. Попова) // Якутский архив. 2004. № 3. С. 84.
36. Попов Г.А. Сочинения: в 4 т. Т. 3: История г. Якутска: 1632–1917: краткие очерки. Якутск, 2007. С. 192.
37. Слепцов Н.М. Последний священник Таттинского улуса // Якутия. 2000. 5 февр. С. 7; Он же. Священнический подвиг протоиерея Димитриана Попова // Там же. 2002. 2 нояб. С. 19; Он же. Ытык-Кельский священник: кто он? // Там же. 2005. 23 сент. С. 26; Он же. Протоиерей Димитриан Попов // Там же. 2007. 2 марта. С. 19.
38. Саввинов А.И. Судьба исследователя // Якутия. 1993. 12 янв.
39. Оконешников Е.И. Э.К. Пекарский как лексикограф. Якутск, 1982. С. 132.
40. Из семейного архива Н.М. Слепцова.
41. Слепцов Н.М. Ытык-Кельский священник: кто он? С. 26.
42. Из семейного архива Н.М. Слепцова.
43. НА РС (Я). Ф. 1407. Оп. 1. Д. 184. Л. 44, 56.
44. Попов П.В. Историко-графический атлас г. Якутска в 1917 г. Якутск, 2009.
45. НА РС (Я). Ф. 1413. Оп. 2. Д. 373. Л. 14.
46. НА РС (Я). Ф. 226-и. Оп. 9. Д. 142. Л. 58–59.

ТРАДИЦИОННОЕ ЖИЛИЩЕ ГЕРНГУТЕРА САРЕПТЫ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII – СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

*Виктор Николаевич Медведев,
начальник научно-методического
отдела Государственного
историко-этнографического
музея-заповедника «Старая Сарепта»,
г. Волгоград*

Этноконфессиональные особенности общины, архитектуры колонии Сарепты XVIII–XIX веков нашли отражение в типе традиционного семейного жилища гернгутера-колониста. Семейное жилище гернгутера — важнейший элемент материальной культуры замкнутого этноконфессионального сообщества. Оно отражает уровень экономического, социально-культурного развития, экономических отношений, социальной стратификации в общине, дает информацию о частной бытовой жизни рядовой семьи гернгутера, укладе частной жизни. Типологию и особенности сарептского семейного дома, общинной архитектуры затрагивали В.В. Когитин, М.А. Рыблова, С.О. Терехин, В.С. Мягкая, К. Рихтер, Е.И. Лазаренко (1).

Сарепта наследовала типовое жилище жителя Европейской Братской общины — ремесленника, торговца и миссионера. Жилище сарептского колониста типологически сходно с домами сельских и местечковых бюргеров, крестьян — жителей Обер-Лаузитца, Северной Чехии, Моравии, Силезии, Гессена, за исключением ряда деталей, продиктованных местными условиями. В то же время жилище общинного жителя несет и особую этноконфессиональную нагрузку. Семейный гернгутер-ремесленник, домовладелец — такой же служащий общины, как члены других религиозно-экономических сообществ-хоров (2).

Уже в 1765 году был утвержден типовой проект застройки «Селения Сарпинского». Он аналогичен, за некоторым отличием, проектам других общинных торгово-ремесленных поселений — Гернгута, Гернгаага, Гнадау, Кёнигсфельда, Ниски и других. Автором архитектурного воплощения этноконфессиональных мировоззре-

ний гернгутеров в смешении стилей барокко и обер-лаузитцкого деревенского «Umgebinderhaus», чешско-моравской крестьянской народной архитектуры был архитектор саксонского короля граф А. фон Герсдорф. Под жилую застройку в Сарепте отводилось восемь кварталов с тремя–шестью участками с домами, по трем сторонам света (юг, восток, запад), уличными проездами. В дирекции Гернгута были подготовлены типовые проекты и чертежи общинных сооружений и домов. На месте корректировку при воплощении замысла вносили руководство общины, строительные мастера и художник А.Л. Брандт (3).

В 1766 году первые колонисты с помощью военных строителей, казаков, наемных русских плотников, кирпичников, печников приступили к планомерному сооружению разнообразных по назначению и технике строительства деревянных, земляных жилых и хозяйственных строений. Возводились бревенчатые срубные амбары, флигели на каменном фундаменте, сараи, лубяные и дощатые хижины, подвалы, землянки с русскими печами. Кирпич вначале делали по русской технологии с обжигом в яме-печи. Характерно, что эти одноэтажные строения часто располагались под одной крышей с хозяйственными постройками — хлевами, навесами и прочим, образуя Г- или П-образный традиционный дом-двор в Северной (Шлезвиг-Гольштейн, Саксония), Центральной (Ангальт, Тюрингия) Германии. По мере расселения населения по домам и жилого строительства освободившиеся помещения перестраивались. Нередко над первым надстраивался второй этаж, выкладывались новые стены, менялась кровля и т. д. С приездом строителей, мастеров промыслов и пуском ряда производств в 1766–1769 годах (кирпичного завода, горшечной, кузнечной, столлярной, медной мастерских, лесопильни) начался выпуск разнообразных стройматериалов (кафеля, черепицы, изразцов, печей и труб, кирпича, плитки; гонта, досок, бруса, полубруса, реек, драги), кованных и литых, жестяных изделий, инструмента. Велось капитальное каменное, фахверковое строительство по традиционной немецкой и чешской народной технике. Строительный лес плотами закупали в верховьях Волги, камень — в каменоломнях, известь, стекло, глазурь, краски — в столицах, губернских городах. Частично камень и дерево (дуб, осина) использовались местные. Стены вначале просто обмазывали глиной и белили. Затем штукатурили и белили известью с добавлением различных колеров (4).

Жилой дом (тип рядовой застройки) гернгутера Сарепты XVIII века представлял собой одно-двухэтажное (мансардное) каменно-кирпичное (реже фахверковое или деревянное) традиционное жилище на каменно-кирпичном основании — подвале. Размеры

Сарпента

типовых жилищ — 5 x 3, 8 x 4, 7 x 5 сажений, усадебной земли — 17 x 20, 20 x 25, 20 x 40 сажений. Строились семейные жилища за счет общины или в ссуду от казны. Стоимость типового дома достигала от 300 до 1 000 рублей и выше. Высота дома — около 6–7 метров. Дом имел высокую двускатную полувальмовую крышу (так называемую немецкую или французскую) со шпицами, крытую черепицей, деревянным гонтом, кровельным железом. Иногда мансарда обшивалась досками. Чердачное помещение имело по два–четыре небольших застекленных окна с торцов и два (реже четыре) врезанных в крышу над входом. Располагался дом длинным лицевым фасадом к улице, вдоль красной линии. С улицы входная филенчатая одно- или двустворчатая дверь выходила на деревянное или каменно-кирпичное крыльцо с перилами (Die Treppe). Над входом для освещения темной передней имелось узкое световое окно. В XIX веке над крыльцом надстраивали открытые навесы на столбах. С улицы у фасада дома прокладывался тротуар из плит, досок, дорога отделялась дренажной канавой с деревянным мостиком, зелеными насаждениями, изгородью. Хозяева следили за чистотой двора и уличного участка (5).

Стены дома и подвала выкладывались из ломаного бутового камня (песчаник, кварцит, гранит из осадочных пород), красного кирпича на известковом растворе. Толщина стен достигала от 40

до 70–80 сантиметров (1,5–2,5 кирпича), деревянных — 26–40 сантиметров. Наружные стены окрашивали в различные светлые цвета (бледно-розовый, бежевый, желто-коричневые, песочный, серый, светло-голубой и пр.) минеральными красками (охра красная, охра желтая, сурик с добавлением белил, сажи, синьки). Угловые русты, наличники, карнизы выделялись более светлыми или темными тонами. Перекрытия потолков были деревянные, на мощных брусах-балках, лагах. Потолки подшивные из досок. Перекрытия подвалов кирпичные в виде крестовых или полуцилиндрических сводов. Подвалы (полуподвалы) имели по три-четыре камеры с перегородками и дверями и в основном предназначались для бытовых и хозяйственных целей — хранения и приготовления продуктов и зимних запасов. Освещались они через полуокна в цоколе. Иногда использовались для жилья, здесь располагались кухни, топки и основания печей, ремесленные мастерские. Внутренние несущие стены обычно штукатурились и белились, позднее окрашивались и оклеивались обоями. Стенные дощатые перегородки вначале пропитывались олифой или белились, затем штукатурились. Цветовая гамма стен отвечала сдержанной пуританской эстетике, рационализму этой аскетичной общины. Черепичные крыши (терракотового и синевато-черного цветов) постепенно менялись на гонтовые и железные. Крыши из теса, железа

На улице Сарепты

окрашивались в зеленый, красный, коричневый, синий, серый тона. Деревянные детали: коробки и полотна дверей, окон, переплетов, ставни, фронтоны, навесы, скамейки, перила и ступени лестниц — также окрашивались в различные тона (коричневый, темный, бежево-песочный, серый, темно-синий, темно-зеленый, темно-вишневый и пр.) масляной краской. Неокрашенные деревянные части могли покрываться олифой. Полы из широких дубовых досок вначале не красились, а посыпались белым песком. В некоторых помещениях (кухня, ванная, подвал) отмечено покрытие пола плиткой, камнем, кирпичом. Металлические части из железа, чугуна — двери, засовы, решетки, скобы, водостоки, желоб, ставни, навесы, крюки — обычно выделялись темными, иногда светлыми красками. Встречались медные и латунные детали — замки, решетки, фонари, накладки, сетки, желоба (6).

Жилой дом XVIII века для двух семей состоял из сквозной передней — *Sebalt kamer, Hausflur, Vorzimmer* (или коридора, сеней) с двумя входами (уличным и хозяйственным) и двух жилых половин на правую и левую сторону. В XVIII веке каждая половина состояла из «Большой комнаты», или зала (*Gross stüb, Saal*), спальни (*Klein stüb, Schlafzimmer*), кухни (*Küchen*) и каморки — *Kamer* (чулана), имела свою печь. Иногда одну половину или подвал занимала мастерская хозяина — свечная, аптека, лавка и т. д. При наличии отапливаемой мансарды там располагались небольшие спальни и чуланы-кладовые.

В дальнейшем, в XIX веке, шло развитие вертикальной и горизонтальной планировки жилища. Выделялись новые помещения — ваннные (*Battzimmer*), столовые, кабинеты, конторы, детские, игровые. Отличительной чертой жилого дома гернгутера было наличие ремесленной мастерской, лавки, склада в одной из половин либо в подвале, пристройке (иногда в отдельном строении на участке). Отопительная печная система жилища гернгутера состояла из двух печей: обогревательной вертикальной (горизонтальной) с колодцами каминной конструкции голландского типа и немецкой кухонной («духовой») печи с плитой, вмазанными чугунными котлами, духовкой (или сводом). Печи голландского типа облицовывались глазурированными изразцами или кафелем с росписью в саксонском и чешском (словацком) стиле (растительный орнамент синей краской на белом фоне и в зеленовато-желтых тонах). В жилых смежных помещениях и в мансарде к общему вертикальному дымоходу присоединялись через трубы традиционные обогревательные керамические или металлические печи-подтопки (7).

К основному дому пристраивали жилые каменные и деревянные флигели, крытые веранды, открытые галереи и террасы, садовые перголы (открытые беседки-навесы), тамбуры-переходы,

навесы над крыльцом, летние кухни со спальнями, ванными и пр. В России архитектура Сарепты и жилища испытали влияние методов, приемов строительства, навыков труда местных строителей (плотники, каменщики, печники). Имелись использования и заимствования местных традиционных технологий изготовления стройматериалов, в терминологии (русский сруб, землянка, сарай, ледник, амбар, летние печи и др.). Позднее с утратой миссионерского статуса, после религиозных, экономических реформ, размывания замысла и под влиянием российских традиций менялись методы отделки и украшения жилищ (8).

Интерьер и меблировка жилища в целом воспроизводили немецкий стиль, но имели и локальные особенности, обусловленные природными условиями Нижнего Поволжья и влиянием культуры этнических и конфессиональных групп в зоне контакта. В XIX веке по мере интеграции общины в российское общество, ослабления и размывания общинных принципов, этноконфессиональных особенностей наблюдался процесс проникновения городской общеевропейской и российской культуры. Таким образом, можно отметить, что жилище гернгутера в России прошло свой путь эволюции и сохранило этноконфессиональные черты.

Дом фабрикантов Глич. Начало XX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Когитин В.В., Рыблова М.А. Немцы Поволжья. Быт и культура. Волгоград, 1997. С. 40; Мягкая В.С. Сарепта в XVIII–XIX веках. Градостроительный комплекс // Старая Сарепта и народы Поволжья в истории России: сборник тезисов. Волгоград, 1997. С. 63–65; Терехин С.О. Поселения немцев в России. Архитектурный феномен. Саратов, 1999. С. 139; Рихтер К. Из истории гернгутской Братской общины и ее архитектуры // Сарепта и народы Поволжья в истории России. (Проблемы взаимодействия национальных культур): науч. сборник. Волгоград, 1998. С. 53; Лазаренко Е.И. Жилой дом сарептянина (описание экстерьера и интерьера) конца XVIII–XIX вв. // Сарепта: историко-этнографический вестник. Волгоград, 2006. Вып. 1. С. 70.

2. Шишков А.В. Историко-архитектурная справка о комплексе построек и территории историко-архитектурного музея-заповедника «Старая Сарепта», г. Волгоград. М., 1990 // Архив научного отдела музея-заповедника (далее Ан-мо МЗ). Д. Концепция развития территории Музея-заповедника «Старая Сарепта» г. Волгограда. С. 1–5; Рихтер К. Указ. соч. С. 55.

3. Рихтер К. Указ. соч. С. 55–57; Archiv der Brüder Unitat (далее ABU). Zebu Grudriss von Sarepta in Chronologischer Reiche ucbssteiner Karte des Sareptischer Landes. NBX. L. I. Project. 1765.

4. Зутер Х. История общины Сарепты. 1765–1775. Гернгут, 2003 // Архив фондов Музея-заповедника «Старая Сарепта» (далее АФ МЗСС). НВФ. № 3146 (1). Перевод с нем. яз. О.В. Зайончковской. 2005–2006. С. 82; ABU. R. 6.I. С. 14.2; Glitsch A. Geschichte der Brudergemeine Sarepta in östlichen Russland. Niski, 1865. S. 37, 75.

5. Рихтер К. Указ. соч. С. 53–54; Попов П.П. Слово о «Старой Сарепте». Волгоград, 1994. С. 36–39; Хрипунов Е.В. Немецкий дом: рукопись // Ан-мо МЗСС. Д. Словник; ABU. R. 12. Аа. 32. S. 12–13, 256b.

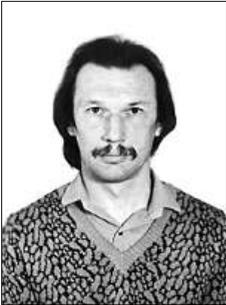
6. Шишков А.В. Указ. соч. С. 27; Овсянников Н. Сарепта и быт немецких колонистов на берегах Волги // Нижегородский ярмарочный листок. 1866. № 27.

7. ABU. NBX. 0.I. 25. а. [Планы первых домов Риттера, Вира 1765–1766 гг.]; Ibid. NBX. V. I.19. а.19; Ibid. АФ МЗСС. ОФ. № 1763 (1). Д. Архив М. Кюппер; Из жизни Фридриха Вильгельма Шульце-Рёхлинга. С. 3–5 // АФ МЗСС. ОФ. № 5356. Перевод с нем. яз. О.В. Зайончковской. 1994.

8. Шишков А. Указ. соч. С. 1–5; Ibid. NBX. I. 19b. Первый дом в Сарепте.

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ В НАЧАЛЬНОМ ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

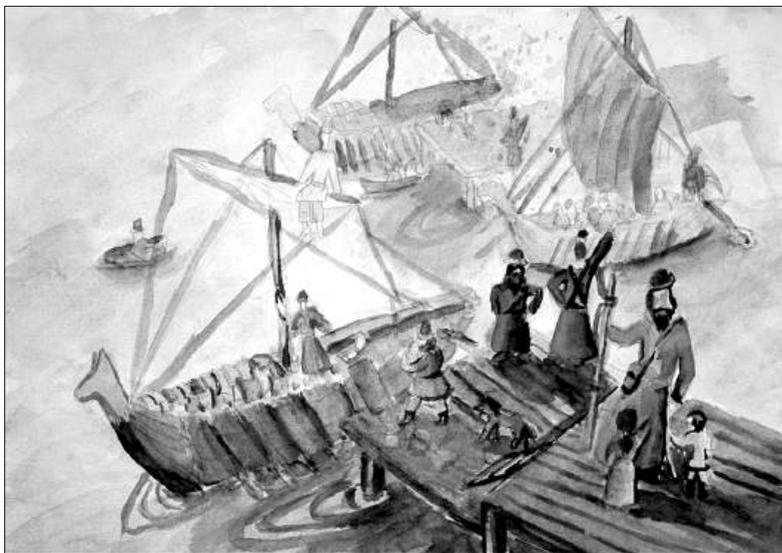
*Владимир Иванович Тарасов,
преподаватель Иркутской областной
детской школы искусств,
г. Иркутск*

Уже не первый год в расписании занятий художественного отделения областной школы искусств стоит новый предмет — историческая композиция.

В свое время именно историческая композиция была основой и высокой целью академической и реалистической школ русской живописи, тогда ее относили к «большим» жанрам изобразительного искусства. Под нее выстраивалась вся система преподавания в академических и художественных вузах.

Однако в практике работы с детьми, в учебном процессе начального художественного образования как отдельный предмет она была выделена, пожалуй, впервые. Необходимость такого шага стала понятна после накопления опыта многочисленных, но достаточно спонтанных попыток обращения к исторической тематике. Это были итоговые работы выпускников, тематические задания по предметам, осуществленные по инициативе отдельных преподавателей, композиции, выполненные к конкурсам и выставкам, посвященным определенным историческим датам. Сыграл свою роль в оценке ситуации и опыт работы автора в жюри конкурса изобразительного искусства на краеведческую тематику, проводимого Иркутским центром детского и юношеского туризма и краеведения («Байкальское кольцо»).

С одной стороны, такие попытки дали положительные результаты. Свежесть взгляда, свойственная детскому воображению, необычность и оригинальность решения композиции, особая эмоциональность — все это существенно отличало работы юных художников от учебных иллюстраций, создавая особую, заинтересованную атмосферу вовлеченности в жизнь «лет далеких, ушедших». С другой стороны, для историка или для человека, знакомого с исто-

***В Сибирь из Великого Устюга.
Художник Виталий Бажгеев, 10 лет***

рическими реалиями хотя бы в общих чертах, обилие ошибок и неточностей, а иногда и просто фантастических сочетаний примет разных эпох в детских работах было удручающим.

Не сразу, но стало очевидно, что даже при максимальном интересе к теме со стороны преподавателя и ученика высокого результата с наскока не достичь, что историческая композиция, если к ней все же обращаться, требует иной, более последовательной, организации учебного процесса. Это касается всех его компонентов, но прежде всего — сбора и подготовки изобразительного и текстового материала.

В рамках существующего комплекса учебных дисциплин художественной школы невозможно было уделить должное внимание подготовительной работе. А это являлось необходимым, тем более что многолетний опыт выявил слабое знание учащимися фактов и реалий российской истории и отсутствие даже приблизительного знакомства с историей своего края.

Таким образом, главным условием достижения приемлемого и тем более высокого уровня работ на историческую и историко-краеведческую тематику становилась планомерная (а не от случая к случаю) учебная работа. Ее главными практическими це-

лями должны были стать: получение необходимых знаний по реалиям исторических эпох, освоение навыков исторической реконструкции (с учетом возрастных возможностей ребенка); получение опыта работы в композиции и навыка работы с деталями.

Материальным, вещественным итогом проведенной учебной и творческой работы в этом случае становятся живописные, графические и скульптурные произведения юных художников, отражающие этапы истории родного края. Выбор в пользу краеведческой тематики позволял придать творческой работе детей большую ценность, обеспечивив ее потенциальную востребованность в современном культурном пространстве. Ведь известно, что изобразительные материалы по истории области не отличаются богатством и разнообразием, а по большинству тем и периодов просто отсутствуют. Кроме того, работа на историко-краеведческую тематику, сопряженная с активным процессом осмысления наследия прошлого, не может не сказаться на более высокой мотивации личности, мотивации к саморазвитию, к выработке норм и критериев гражданственности и патриотизма.

Новый предмет, введенный в расписание школы искусств, базируется на экспериментальной учебной программе «Историче-

*Эпизод из Северной экспедиции.
Художник Виталий Бажгеев, 11 лет*

*Крестный ход в Иркутске.
Художник Юлия Дмитриева, 11 лет*

ское краеведение для художественных школ», разработанной с учетом специфики системы начального художественного образования. Приоритет в подаче и усвоении учебного материала отдан изобразительной наглядности в сочетании с постоянным практическим освоением и применением полученных знаний.

Несколько слов о программе. Программа рассчитана на 4 года обучения (с 1-го по 4-й класс художественной школы). Возраст детей: 9–11 лет. В составе программы теоретические и практические занятия. Теоретический курс — 1 час в неделю, 34 учебных часа в год. Практический — 5–10 часов в четверти (1–2 дня занятий), 30 учебных часов в год.

Теоретический курс — знакомство с историческими событиями отдельных эпох, с их описанием очевидцами и участниками, с изображениями костюмов, интерьеров, предметов быта соответствующего времени, выполнение зарисовок изобразительных материалов, выполнение эскизов по избранным темам. Практический курс — выполнение этапных и итоговых работ в различных техниках и материалах. Именно навыки практического применения освоенного материала являются целью учебного процесса в этой программе. И по результату практической работы (готовому произведению) можно оценить учебную работу учащегося и эф-

фективность преподавательской методики. В хронологическом плане программа охватывает период от XVII до XX века включительно. В первом классе — XVII и XVIII века, второй класс — первая половина XIX века, третий — вторая половина XIX века, четвертый класс — XX век.

Программа не случайно была заявлена как экспериментальная. Только на экспериментальном этапе, в ходе работы с реальными учебными группами можно отследить специфику восприятия детьми исторических событий, возможность усвоения ими разнообразного визуального материала, выявить вопросы, требующие особо тщательной проработки, и создать методики, позволяющие максимально эффективно организовать учебный процесс.

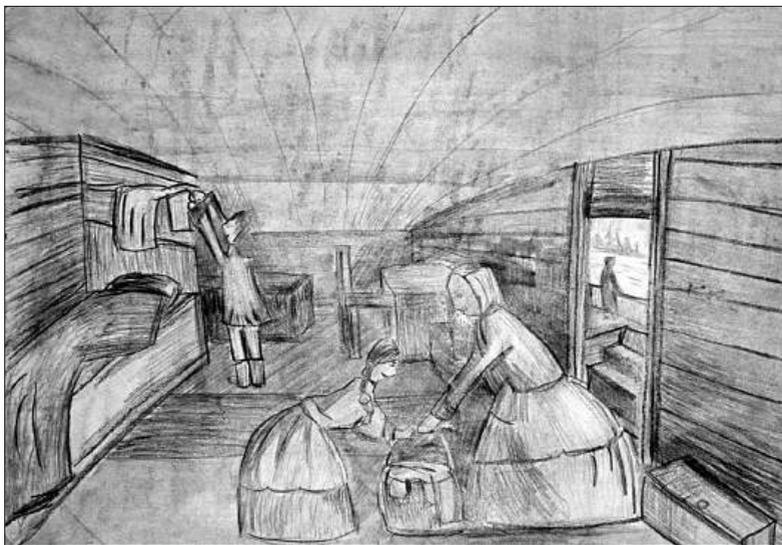
Таким образом, программа в ее нынешнем состоянии рассматривается автором как проект, в общих чертах обрисовывающий контуры возможностей и намерений.

Структурирование учебного процесса, основного и дополнительного материала и даже методика отдельных этапов и заданий выявляются только на практике и становятся одним из важных результатов этой практики.

Учебный эксперимент по введению в практику нового предмета был начат в ситуации, достаточно благоприятной для сравнительного анализа хода учебной работы в разных по степени

*На почтовой станции.
Художник Даша Субботина, 12 лет*

В ленском павозке. Художник Женя Сыч, 12 лет

эмоциональной, творческой и учебной активности группах. Внутри каждой группы также большое разнообразие темпераментов, уровня профессиональных навыков, степени личной заинтересованности как непосредственно в творческом процессе, так и в его результатах. При составлении расписания занятий возникли различные варианты компоновки нового предмета с другими учебными дисциплинами.

Чтобы обеспечить вхождение учащихся в историческую тематику, к которой у многих учеников (да и преподавателей художественной школы) сложилось устойчивое предубеждение, было решено начать с композиции по теме «Сказки Восточной Сибири». Ведь иллюстрации к сказкам привычны и хорошо знакомы детям и в то же время в них содержатся разнообразные приметы конкретных исторических периодов и стилей. Так, благодаря иллюстрациям к русским народным сказкам дети имеют, пусть даже неосознанное, представление о русском костюме и архитектуре Московского государства еще XVI–XVII веков. С европейским костюмом и предметами быта XVIII–XIX веков они знакомы по иллюстрациям к сказкам Андерсена, Погорельского, других отечественных и зарубежных писателей.

Использовали, реализовали и усвоили эти знания ученики, выполнив композиции по сказкам Восточной Сибири, подобранным

таким образом, чтобы в них потенциально содержался изобразительный материал, связанный с приметами прошлых эпох, оставшихся в истории нашего края. Был подготовлен иллюстративный ряд, сопровождавший чтение сказок и содержащий материалы по костюму и архитектуре. Эскизы, выполненные учениками, были достаточно интересны, удачной была и итоговая, практическая часть работы, проведенная тремя преподавателями по отличающимся друг от друга методикам. Таким образом, первый этап был пройден успешно.

Сложности начались со второго полугодия, когда темой занятия стал конкретный период сибирской истории. Общий обзор событий, изобразительный материал по костюму и жилищам сибирских народов и русских первопроходцев XVI–XVII веков не вызвали больших трудностей в подготовке и были хорошо восприняты учениками. Но, поскольку визуальное отображение событий требует особенного внимания, особенной скрупулезности в изображении бытовых предметов, выявилась острая необходимость подробных текстов, в деталях описывающих бытовые мелочи даже самой типичной ситуации. Без таких описаний даже при наличии хороших справочных материалов не только отобразить, но и представить конкретное событие было невозможно.

*Перевоз серебряной казны из Нерчинска в Петербург.
Художник Сергей Посохов, 12 лет*

Таким образом, выявилась необходимость поиска качественной художественно-исторической основы, содержащей сюжетный каркас будущей композиции. В поисках такой основы нужно было обращаться к историческим и литературным источникам различного рода, историческим рассказам, воспоминаниям, мемуарам, свидетельствам очевидцев событий. С подготовкой текстовых основ еще придется потрудиться. Ведь тексты исторических исследований, как правило, изложены сухо, они не обладают яркостью деталей и подробностей, а их адаптация к детскому восприятию — отдельная тема. Литературные произведения, посвященные прошедшим векам, при требуемой эмоциональности и подробностях нуждаются в отборе по причине завидной легкости, с какой многие писатели обращаются с собственно исторической основой. Более качественные результаты дает прямое обращение к письменным свидетельствам истории края: архивным документам и воспоминаниям очевидцев, хотя каждому понятно, сколько времени могут занять такие поиски. Но, к сожалению, альтернативы просто не существует. История области в том виде, какой необходим для ее визуального отображения, пока мало разработана. Но тем интереснее браться за такую работу, тем веселее должен быть конечный результат.

Еще в начале работы над проектом учебной программы было понятно, что развитие и распространение такой необходимой и социально значимой формы работы невозможно без подготовки большого объема текстового и изобразительного справочного материала, на основе которого в художественных школах любого района нашей области можно было бы осуществить визуализацию историко-краеведческих знаний, оживить, наполнить красками историю родного края... Теперь об этом можно говорить уверенно.

Первый и последующие годы работы по предмету доказали необходимость создания методического историко-краеведческого пособия, содержащего текстовую и визуальную информацию, примеры цветового и композиционного решения художественных произведений по темам истории Иркутской области. Причем теперь видна необходимость представления такого пособия в двух вариантах: для учащихся и для преподавателей. Пособие для преподавателей нужно дополнить информацией общего плана — по представляемой эпохе и событиям, а также дать более редкие (чем в ученическом пособии) примеры предметов быта, одежды и других деталей, потребность в изображении которых может возникнуть только у отдельных учеников.

Без такого материала, дающего основу для деятельного, результативного творческого труда юных художников, патриотический компонент историко-краеведческого направления в детском творчестве будет лишь имитироваться от случая к случаю.

БАБУШКИНО НАСЛЕДСТВО

*Лариса Александровна Аболина,
член Иркутского общества
«Родословие»,
пос. Култук Слюдянского
района Иркутской области*

Был у моей бабушки (Анны Никифоровны Аболиной /1885–1981/) деревянный чемодан, который она возила с собой, переезжая в старости по очереди от одной дочери к другой. Хранила в нем бабушка небольшой свой скарб. Лежали там «одежда на смерть», ладанка, бумажный венчик с надписью «Спаси и сохрани», несколько юбок и платков, поминальная книжка, куда были вписаны все умершие в младенчестве дети, и паспорт. Грамоты бабушка не знала и книг не читала. Но речь ее была богата и наполнена истинной народной мудростью. Знала она много поговорок и пословиц, в которых умещалась вся ее жизненная философия. Перебирая от скуки свои вещи, обычно приговаривала: «Дальше положишь — ближе возьмёшь». Сидя целыми днями у окна, тосковала бабушка по «милрой родине — Рассее», как называла она Белоруссию, откуда уехала в Сибирь семнадцати лет. Говорила она до самой старости на белорусско-русском наречии с мягким «т» на конце слов («б'ягúть», «глядúть») и с твердым «ч» («проч», «ноч»), а также многими, ставшими родными для меня, чисто белорусскими словами. Когда темнело, вставала от окна с поговоркой: «День ды ноч — сутки проч». Садясь за стол, крестилась, а выходя, говорила: «Ну вот, подъела, Господь напитау, никто не видау», а иногда: «Спасибо за обед, подъеу дармоед». Часто, когда в детстве водилась со мной, приговаривала: «Мы с тобой, как рыба с водой: я — на лёд, ты под лёд: ты рыбку ешь, я зубкам скресь». Предостерегая, повторяла: «Оборони Господь!» или «Кры Бог, деточка!»

Была она верующей, и слово «Бог» в ее речи звучало часто — «С адным Богом на сто врагау». О православных праздниках я впервые услышала от нее, особенно запомнилось, как повторяла она, проходя в июне мимо пустых еще гряд: «Пятроука — голо-

***Анна Никифоровна Аболина
с внучкой Ларисой, 1970 г.***

доука, Спáсоука — лáсоука!» Рассказывая о своей молодости, бабушка Аня часто повторяла: «Жизнь прожить не мех сшить, не поле перейти», а слушая о чужих несчастьях, вздыхала: «Кто тебе? — Сам сабе». Про бессовестного человека говорила: «Яму ссы у глаза — кажить Божжа роса». Вспоминая Омскую область, когда переезжали они из одной деревни в другую, говорила: «Где конь покатается — там шерсть и останется». Во многих ее пословицах, как и в самой крестьянской жизни, большое место занимали животные: «Слово сказано — кобыла привязана, хоть целуй, хоть нет — не отвяжется», «На лячоном коню далёк не уедешь», «Свинье не до поросят, когда на огонь нясуть», «С голоду пёс и редьку есь», «Повадилась собака по окнам лазить, не отучишь, пока лапы не отрубишь». Многие пословицы казались мне тогда слишком жестокими — «Брат любить сястру богатую, а муж жану здоровую», но так, видно, устроена жизнь. В то время дети умирали часто, из одиннадцати родившихся у бабушки выжило только шесть: «Бог дау — Бог взяу». Несмотря на нелегкую жизнь, в ее семье никогда не ругались матом и всех детей называли только ласково: Танечка, Ванечка, Ольгютка. Прожила бабушка 96 лет, придерживаясь основного правила: «Не тронь никох и не бойсь ничох». Все рассказы о себе она обычно заканчивала словами: «Бог сирот любить, да доли не даеть».

Еще в большей степени ее белорусская речь проявлялась в сказках. Возможно, их она слышала еще в своем детстве от своих бабушки или мамы, простых крестьянок с Витебщины. Две сказки, которые она часто рассказывала, запомнились мне почти дословно.

Про гарошину

Мёу дед двор и найшоу гарошину. Пайшоу к бабе и гаворить:

— Ти зьяси яе, так не наеся, дужа малá, можа, посадить где?

Думали яны думали, где посадить гарошину, и надумали посадить яе под полком.

Вот стала тая гарошина рось. Растеть-растеть, дорасла до полка. Прорубиу дед дырку у полку. Стала рось гарошина дальше, дорасла до потолка. Прорубиу дед дырку у потолку. Расла-расла гарошина, и стали на ей струки поспевать. Дед бабке и гаворить:

— Пашей сабе, бабка, широкие штаны, пора гарох собирать.

Пашила сабе бабка широкие штаны, дед лесницу приладиу, на гарошину узлезть. Усадиу тады дед бабку у тые штаны, и полезла яна за струками. Рвáла, рвáла ды и упала з лесницы. Ляжить на зямли и зубы оскалила.

Прибег дед, глядить — ляжить бабка.

— Ах ты, такая-сякая, упала да ешше и смьяеся!

Ды лапатоу яе, ды лапатоу!

Про дьвух унучек

Жилí у однэй дереуни дед ды баба, и былó у их дьве унучки — одна унучка бабина, а другая дедава. Неузлюбила баба дедаву унучку, хотела яе саусим со свету жжить. Вот и гаворить деду:

— Завяди яе у лес и там кинь.

Жалеу дед унучку, ды бабу дужа бояусь. Собраусь ён у лес, узяу топор и унучку с сабой заветь:

— Ходí са мной, унучэнька, дрóвы рубить.

Ишли, ишли яны по лесу, зайшли у самую чащú, дед и гаворить ёй:

— Сяди покуда тут и слухай, як не стану стукать, так и дамой пойдем.

Сидела деука, сидела — стало тёмно у лясу. Слухаить — стук-стук, стук-стук, сядить, раз дед не велеу идти. Саусим уже тёмно стало, пайшла яна деда искать, где стучаеть. Падыйшла ближе — нет никох, палка к лясине привязана, ветер дуеть, яна и стучыть по дереву: стук-стук, стук-стук. Заплакала деука: «Что делать, нёяк дорогу найти». Пайшла яна куда глаза глядять, увидала —

далёка аганёк светить, и вышла на аганёк. Глядит: стоит избушка, а у ей нет никох. (А у тым даму жиу мядведь.) Стала дожидаться. Чуеть — идеть хто-то, уходит мядведь. А ён увидау яе — обрадоваусь, что деука пришла, и гаворить ей:

— Будешь тады жить у мене у работников. Згатоу мне есь!

— А что же тебе зготовить?

— А вон кости лежать, их и згатоу.

Зготовила она яму, наеусь мядведь и гаворить деуке:

— А теперь настели мне настелю.

— А что ж тебе стелить? — спрашивает деука.

— Ряд паленья, ряд каменя, ряд паленья, ряд каменя.

Пастелила яна мядведю настелю, а ён ей и гаворить:

— А теперь ложись са мной спать.

Тут выскочыла из шшели мышка, бегаить, ключыком звенить:

— Не ложись з им спать — он тебя зъесь, не ложись з им спать —

он тебя зъесь!

А мядведь деуке:

— Бей яе, каб кйшки вон!

Жалко деуке мышку, она постукала-постукала качергой по полу, нарошни, мышка и убёгла. А сама не легла з им спать, спряталась под печ. Утром уйшоу опять мядведь у лес. Мышка прибёгла и гаворить ей:

— За то, что ты ли мене такая добрая была, я тебе награжу.

Достала адёжу багатую, одела, обула девочку как барыню, посадила у саночки и толкнула. Покатились санки прямо у дереуню, к дедавому дому.

А бабка у тбе уремя блины пяхэть, дедаву унучку поминать. А сабачка у дворы лаить:

— Не блины, а пираги надо пяхчы, вон унучка, как барыня, дамной едить.

Бабка усяк ругаецца:

— Чаго ты брешешь!

Тут санки у вароты стукнулись, выскочыли бабка с дедам, глядят — сидить перед им унучка, как барыня наряжена. Радый дед, что унучка жива да дому воротилась. А бабка на другей день посылает яго знова у лес:

— Завяди и мою унучку у тое место.

Собраусь дед и повёу бабину унучку. Завёу яе у тую самую чашу, посадиу на пенёк и наказау, каб яго дожидалась, а сам приладиу палку к лясине и уйшоу. Вот сидела деука, сидела, тёмно саусим стало, пайшла деда искать и вышла к мядведевой избушке. Увайшла у избушку — нет никох, стала ждать. Чэрез какое-то уремя приходит мядведь и гаворить ей:

— Ну, деука, будешь теперь у мене у работниках, згатоу-ка мне есь да постелю постели: ряд паленья, ряд камня, ряд паленья, ряд камня.

А унучка бабина ничо́го делать не умела. Мядьведь сам пах-лѣбку звариу, поеу, постелю постелиу и гаворить ей:

— Ну, теперь ложись са мной спать.

Тут выскочила мышка, бегаить, ключыком бренчить:

— Не ложись з им спать — он тебя зъесь, не ложись з им спать — он тебя зъесь!

А мядьведь ей:

— Бей яе, каб кúшки вон!

Девочка схватила качергу и хочыть мышку убить, чуть мышка убѣгла, а сама легла с мядьведем спать, он яе и зъеу. Утром мядьведь уйшоу у лес, а мышка собрала костачки, поклала у кашѣль, на санки поставила и толкнула. Покатились санки прямо к бабкиному дому.

А бабка у то́е время пираги пячэть, унучку дождаецца, а са-бачка лаить:

— Не пираги, а блины надо пякчы, вон унучкины костачки едутъ.

А бабка ругаецца: «Чаго ты брешешь? Ти сдурнела саусим!»

Выбегли дед с бабой за вароты, открыли кашѣль, а там и упра-уду костачки, у тым кашелѣ.

СТРАШНАЯ СВАДЬБА

Феодосия Васильевна Репнёва

У нас, мил человек, место особое, мы живем в горах, все пахотные земли находятся у подножия гор, хоть и не сильно высоких, но [это] горы, да они еще соседствуют с высокими горами, к примеру Синюха <...> Гора высокая, три с половиной версты вверх, ее можно кругом обойти или объехать, а пешком подыматься надо по спирали, прямо — не одолеешь. <...> Хотя гора и кажется пикообразной, так это только издали так кажется, а когда подымешься на ее вершину, как в рай попадешь. Там небольшая уютная площадка с озером, старые люди говорят, что в XVII веке монахи жили, а сейчас жилья там нету и не заметно, что было оно, а вот надгробная плита, из камня выточенная, и сейчас лежит, и на ней надпись высечена по-славянски. <...>

Само озеро небольшое, если взять вдоль и поперек, то метров восемь будет. С одной стороны вместо берега отвесная скала, с другой стороны берег тоже скальный, а остальная площадь и берег окружены лесом, буйным растением разнотравья и цветов. Повернешься направо — от Марьиных кореньев глаз не оторвешь. Налево повернешься — от жарков-цветков опьянеешь, как огоньки в темной ночи горят. От такой картины, когда весной туда попадешь, от блаженства захлебнешься. Черемуха в цвету, как невеста в белом платье, а подружки ее, камни с бояркой, не отстают цветом от подружки-невесты. От всего этого столько выделяется ароматов, не надышишься, а сколько мелких цветков: ромашки, колокольчики, Иван-чай, лилии, всякие гвоздики, незабудки, да разве всего пересчитаешь, это надо увидеть. А водичка-то в том озере светла что зеркало, не колыхнется, чиста, как слезинка, вкусна и холодна, как со льда взята, на ее глубине видно все камешки и горные складки, но рыбки нет никакой. Большая красота на Синюхе! <...>

А в зимнее время эта гора коварна и зла. Если летом ее красотой любишь, то зимой от нее не жди доброты. Мы живем

от нее не так уж далеко, да за горами, так нам она не страшна, а вот кто живет возле нее, для этих людей зима — это сущий ад. У всех жителей постройки сделаны под одну крышу: дом, коровник, конюшня, кошара, здесь же свинарник, куры, гуси, утки, колодец и баня, сеновал, тут и амбар с зерном, и дровяник. <...> Как загудит Синюха, у-у-у, знай, что через два-три дня будет такая буря со снегом, как будто все черти с ума сошли и подымут такую кутерьму — страх возьмет. Ну а как дыхнет такая пурга, лихо будет тому хозяину, у кого все постройки по отдельности стоят. Все заровняет снегом, с самой трубой, а иную избу с головой заровняет. Сутки, а другой раз и трое будет эта буря байговать. А как успокоится пурга, солнца будет много, снег будет белый-белый и блестит, как золотой пылью обсыпан, смотреть не сможешь на такой снег. Подъедешь к этому месту, и как будто этой деревни не существовало. Вылезет один человек, через избную трубу как черт появится на свет Божий, начинает откапывать избную дверь, а уж потом всем скопом откапывают ворота, сенечную дверь, избные окна и дорожки делают в улицы, которая тоже заровненная с домами наравне.

Вот так и живут люди: летом красотой любуются, а зимой хлопот не обберешься. <...>

Есть у нас село поблизости, Усть-Белое, стоит оно в самых высоких горах. Село небольшое, а дорога от них [идет] через наше место, где наша коммуна стоит. В зимний мясоед в деревнях делают свадьбы, а венчаться ездили в церкву в село Кольвань, от их верст 60 будет. Обоз собрался большой, от жениха и невесты, лошади справные, запряженные парами в кошевы и сани-розвальни. Сбруи одели на лошадей выездные, уздечки все прошитые светлыми бляшками, шлеи ременные с кисточками, ширгунчики в нагрудниках и ошейниках, дуги с колокольчиками и обвитые цветными лентами. Вожжи тканые из цветной шерсти, тоже с кисточками, на кошевах красиво вытканые из разноцветной шерсти красивыми узорами рядна — ковры приспущены на края кошев. Народу с обеих сторон собралось много, в Кольвань приехали хорошо — вовремя, в венчании задержки не было, так как они из далекого села приехали. Справили все свои дела и ехать обратно припозднились. Кучера лошадей хорошо накормили, напоили. А к вечеру потянуло небольшим ветерком. Когда стали рассаживаться по своим местам, жених попросил тысяцкого — хозяина поезда, чтобы его вместе с невестой в одну кошеву посадили и не надо [им] кучера и чтобы ехали сзади поезда.

Просьбу их удовлетворили. Обоз тронулся, девчата, парни, молодые мужики и бабы лихо запели песни. Лошадей подстегнули,

подгикнули, они с места в галоп пошли, хмель еще лихо бушует в головах. Кучера по деревне с гиком подбадривают лошадей, пристяжки, как лебеди, вытягивают шеи, лихо проехали мимо изб.

Надвигается буран, уже давно все потемнело, несет сильный поземок, уже и ихние горы недалеко, а буран перешел во вьюгу, закужило, засвистело, снегом все замело, смешалась земля с небом, вокруг не видать ничего — ни гор, ни дороги, вмиг все замело, не видно ни передних подвод, ни задних. Колокольчиков звон подвывает буре, крика с передних подвод не слышно, даже вперед ведущих кошев не видать и не слышать. <...>

Долго подымались в гору, длиной она версты три, да и высота не меньше. Кто сильно пьян был, уже спали, а бабы да девки выть начали вместо песен, уже было не до песен, жались друг к другу. Только кучерам некогда было ни спать, ни кричать, они зорко всматривались в снежную муть, разглядывая дорогу. Лошадей не дергали, не кричали на них, в таком деле положись на коня, и он сам дорогу найдет и вывезет людей из такой пучины, в этом все кучера уверены, что домой они привезут их. Только надо следить, чтобы в пропасть не угодить.

А когда выехали на вершину горы, то [тут уже] рукой подать до дому. Лошади почуяли дом, с горы по убродному снегу рванули в галоп и в момент домой привезли.

Все вылезли из кошев и саней, как снежные глыбы, пока вытрясли снег с себя и лошадей, в избу зашли замерзшие, зубы стучат от дрожи, разделись и кинулись печку обнимать, а кто и на печку залез.

Тысяцкой зашел в избу, всех осмотрел да как крикнет не своим голосом: «Где молодые?»

Все друг на друга смотрят: «В самом деле, где молодые?»

Только тут мужики протрезвели от хмеля и бури. Все выскочили на улицу, проверили все повозки, всех лошадей. Нет ни лошадей, ни повозки, ни молодых. Что делать? Буря беснуется так, что с ног сбивает, за метр ничего не видно.

Несколько парней смельчаков вызвались на поиски молодых. Старые люди отговаривают их: зная здешние бури, боязно было отпускать парней на верную погибель. Отговаривают их и женщины ехать в эту пропасть, зная заранее, что их постигнет такая же беда. Но бесстрашные парни настояли на своем. Одели лошадей в короткие попоны, оседлали и поехали верхами.

Недолго ездили они, даже на гору не могли забраться. Ночь была сильно темная, и метель так выла и крутила, снег летел толстой стеной. Лошади, знающие дорогу, не могли подняться в гору, того и гляди в пропасть угодишь, так и приехали ни с чем.

Все люди ночь провели в горючих слезах. К утру буран немного убавил спеси. Поехали на розыски всем селом. Все мужики и парни были убиты горем. Особенно те, которым довелось ездить в церковь, — каждый считает себя виноватым. Бабы, старухи, девки и ребятишки голосили — живых людей потерять! Матери и сестры волосы рвали на себе, их отливали водой, откачивали и вместе с ними ревели. А утро наступило такое тихое, и шолоху не было. Снег сделался как сплошное зеркало. <...>

Мужики долго ездили, но после этой бури даже знака никакого не нашли, приехали уже темной ночью. Куда могли деваться лошади и люди? Все только вопрошали.

Еще прошла мучительная, страшная ночь, и наступил невестин день. Рано утром, после страшной бури, солнце бросало блики по всем горам и взгорьям, по логам и урманам, смотреть на солнце было невозможно, очень сильно блесками играл снег.

Приехал пастух из соседней заимки, остановился у первой избы, не слезая с коня, спросил у хозяина: «Нет ли в деревне беды?» Хозяин схватил пастуха за ногу, трясет его и криком ревет: «Ты видел их? Где они?» Пастух испугался, выдернул ногу из рук мужика. Пастух так и не понял, кто «они». — «Не реви, хозяин, послушай, что я тебе скажу. От вашего села, когда спустишься с горы, влево, на границе Суетских земель, к голым сопкам, там два распадка, в ближнем от вас распадке — лог, в самой вершине этого лога как будто лошади стоят. Я туда не спускался, лошаденка моя плохая, все лога забиты снегом, до самой вершины».

Пастух уехал, а мужик раздевши бежит по деревне с криком: «Они там, в Суетском логу!» Все конные люди ринулись туда. Это место знает каждый, коварное место, жители села избегают его. Там они их и нашли. Лошади уже околели, а молодые были сильно занесены снегом, но у всех теплилась добрая надежда.

А когда откопали... Все наклонили головы, поснимали шапки, перекрестились, отцы и братья упали на мертвые тела с причитаниями. Крик был страшный.

Остальные мужики не теряли время. Вытащили из оглобель околевших лошадей, впрягли других и привезли в деревню мертвый свадебный кортеж. Встретили их у деревни матери, старики, сестры и дети. Что было, страшно выговорить, справляли не свадьбу, а трагические похороны. <...>

В наш век зовется этот лог Невестиным. В том логу летом так много ягод — клубники, земляники, костяники, хоть лопатой гребь, а никто не ходит туда ягоды брать, все живут старым страшным преданием...

Об авторе: **Феодосия Васильевна Репнёва** родилась 27 мая 1912 года в Хабаровске, рано осталась сиротой. Вся жизнь Феодосии Васильевны прошла в неустанной работе. Получив специальность зоотехника, она начала трудовой путь в крестьянской коммуне на Алтае. Затем, круто изменив свою жизнь, выучилась на взрывника — была первой на Алтае женщиной-взрывником. Через несколько лет уехала в Киргизию, где также работала в шахте. В 1941 году вернулась на Алтай, во время Великой Отечественной войны была заместителем начальника ОРСа по животноводческой части. Позже работала и бухгалтером, и кассиром в сберкассе, и продавцом в книжном магазине... За свой добросовестный труд была награждена несколькими медалями. Последний период жизни Ф.В. Репнёвой прошел в городе Краснокаменске Читинской области, где она и скончалась 2 июня 2002 года.

Феодосия Васильевна была человеком увлекающимся, имела художественную натуру и страстное желание писать, хотя получить должного образования ей не удалось. Написала три книги воспоминаний о разных периодах своей жизни, выполненные в виде художественных произведений (хранятся в одном из семейных архивов в г. Слюдянке Иркутской области). Ее воспоминания по своему содержанию представляют несомненный интерес для сегодняшнего читателя, хотя они и не вполне совершенны по стилистике. Публикуемый в журнале фрагмент относится к 1930 году, когда 18-летней девушкой Ф.В. Репнёва получила направление на работу в коммуну «Пролетарка» на Алтае, недалеко от села Колывань. Рассказ о трагической свадьбе она излагает словами возчика, который и доставил ее в коммуну.

Публикация Л.А. Аболиной и Ю.П. Лыхина

МУЗЕЙ «ДОМ СТАНЦИОННОГО СМОТРИТЕЛЯ»: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

*Виктория Николаевна Кайкова,
директор музея «Дом
станционного смотрителя»,
д. Выра, Гатчинский район,
Ленинградская область*

Гатчинский район расположен в пригородной зоне Санкт-Петербурга. Район основан в 1927 году, а до этого времени входил в состав Царскосельского уезда.

Свидетельство славного прошлого — многочисленные памятники старины. В нашем районе это древние могильные курганы и межевые камни, православные и лютеранские церкви, старинные усадьбы и дачи.

Великие люди нашего Отечества оставили свой след на гатчинской земле: К.Ф. Рылеев, А.Н. Майков, И.И. Шишкин, И.Н. Крамской, писатели А.Н. Толстой, В.В. Набоков, композитор И.И. Шварц...

В окрестностях много усадебных комплексов — в Белогорке, Дружноселье, Елизаветино, Кобринно-Руново, Сиворицы, Суйда, Тайцы, Батово... Уникальна старинная деревня Лампово, где сохранились замечательные памятники деревянного зодчества XIX века.

Богата своей историей и сама деревня Выра. Название деревни, вероятно, произошло от старославянских слов «выр» — пучина, омут и «Вырей» — сказочная запретная страна древних славян. Корень слова встречается в финском и эстонском языках, что свидетельствует о глубокой древности заселения этих мест. С X века в этом краю жили в мирном соседстве со славянами финно-угорские племена. «Выра при реке Оредеж» входила в Новгородскую пятину и упомянута в новгородских писцовых книгах за 1499 год.

По гатчинской земле проходил старинный почтовый Белорусский тракт. В 1800 году в Выре учреждается почтовая станция. «Указом Его Императорского Губернского правления Софийскому Земскому суду предписано о переводе Рождественской почтовой

Вырская почтовая станция. Внутренний двор

станции по удобности в деревню Выра, принадлежащую генерал-лейтенанту Малютину» (Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. 536, № 209). С этого времени деревня Выра стала обозначаться в «Почтовых дорожниках» и на картах России. Позднее Выра становится удельной деревней. Вместе с близлежащими к Гатчине землями она была подарена Петром I царевичу Алексею, а по его кончине причислена к дворцовым имениям.

В пушкинское время в деревне Выра было 15 дворов и около 130 жителей. Из них почти все мужское население занималось ямщицким и извозным делом. И это понятно: через деревню пролегла одна из самых больших дорог России. Куда бы ни отправился путешественник из Петербурга по Белорусскому тракту, он проезжал через Выру. Не случайно кроме почтовой станции в деревне был и постоялый двор. Почтовая станция в Выре считалась третьеразрядной, при ней не было ни гостиницы, ни трактира. Невзирая на это, Выра принадлежала к категории больших станций. На маленьких обычно имелось от 6 до 50 лошадей, здесь же было 55 лошадей для перевозки почты и путешественников и 5 курьерских троек.

Путешествия по почтовым трактам были медлительные, с неизбежными задержками на станциях, они были для современников Пушкина важными событиями и, естественно, отражались в русской литературе. Тема дороги и путешествий встречается в поэмах, повестях, стихотворениях и рассказах. Многие писатели местом действия избирали почтовый двор. Сами названия произведений говорят об этом. Например: водевиль Р.М. Зотова «Приключения на станции, или Который час»; комедия М.Н. Загоскина «Роман на большой дороге», роман А.П. Степанова «Постоялый двор». Дорожный быт эпохи давал возможность для неожиданных встреч главных героев и различных персонажей.

Не менее 13 раз проезжал Вырскую почтовую станцию А.С. Пушкин. По Белорусскому тракту ездил он в южную ссылку, по этой дороге проезжал в Михайловское, Царскосельский лицей, здесь же пролегал его последний путь к Святогорскому монастырю. В одну из таких остановок Александр Сергеевич услышал историю, которая послужила основой для повести «Станционный смотритель». Повесть А.С. Пушкина, несмотря на ее небольшой объем, точно передает бытовые особенности почтовых станций и

Вырская почтовая станция

Часовня в честь святых Косьмы и Дамиана

их обитателей, что стало основой для создания музейной экспозиции.

Пушкиноведа уверены в том, что прототипом Самсона Вырина (повесть «Станционный смотритель») был смотритель Тимофей Садовский, служивший в Выре с 1813 по 1833 год, и события, описываемые в повести, происходили на этом месте. Так волею судеб Вырская почтовая станция стала свидетельницей важнейших этапов жизни великого поэта.

Вырская почтовая станция просуществовала до 70-х годов XIX века. Появление железнодорожных сообщений привело к упадку станции, резкому сокращению разъездов и почтовых лошадей. В 1869 году, 15 января, Вырскую почтовую станцию, обветшавшую и утратившую свое значение, упразднили распоряжением Почтового ведомства.

Многое на своем веку пережила и увидела почтовая станция. С 1905 года на ее территории находилась добровольная пожарная дружина. Затем размещались волостное правление, земская школа, клуб, в январе 1942 года была устроена немецкая комендатура лагеря для военнопленных. После войны был склад ядохимикатов. Деревянные постройки быстро разрушились, а до на-

ших дней сохранились два каменных корпуса и двор, мощный булыжником.

«Почтовая станция уцелела до наших дней. Сколько здесь погорело и порушилось, а эти никому не нужные дома остались невредимыми. Видно, сама судьба хранила их для доброго народного дела», — так рассуждал Иван Дмитриевич Ларин, токарь в Государственном оптическом институте имени Н.И. Вавилова (4, с. 3). Он отдыхал в Гатчинском районе и обратил внимание на два каменных дома бывшей почтовой станции. «Один еще держится, в нем сельский клуб помещается, а второй того и гляди развалится. Надо сохранить уникальные домики» (6, с. 2).

Возрождение объекта началось с установки верстового столба. Станция находилась раньше на почтовом тракте. Все дороги размечались верстами, через версту ставили полосатый столб. Поэтому было решено поставить этот отличительный знак теперь у Киевского шоссе. Затем в хорошо сохранившемся северном корпусе были проведены штукатурные и малярные работы. С этого одного, выкрашенного в розовый цвет, домика началась жизнь музея. «Дом станционного смотрителя» в деревне Выра Гатчинского района Ленинградской области был открыт в 1972 году. Это был первый в нашей стране музей литературного героя.

Автором первых экспозиций музея была Н.И. Грановская, научный сотрудник Всесоюзного музея А.С. Пушкина. Весь комплекс построек восстанавливался на протяжении 15 лет. Музейными средствами исторически достоверно воссоздана обстановка почтовой станции. Конкретное место связано с описываемыми Пушкиным в повести «Станционный смотритель» событиями. То есть в музее мирно сосуществуют художественный

В экспозиции «Почта второй половины XIX в.»

Форма и сумка почтового служащего второй половины XIX в.

ния предназначалась для ожидания лошадей проезжающими. Она рассчитана на долгое сидение: залавок, подобие дивана, скамейки, обитые кожей банкетки — типичная мебель почтовых станций. У окон груда дорожных вещей, которые брал с собой путешественник, отправляясь в дальний путь. Ожидали лошадей у голландской печи за столом, на котором стоит чайная посуда.

В красном углу — рабочий стол станционного смотрителя с необходимыми принадлежностями, рядом его форма. Здесь же кровать смотрителя с пестрой занавеской, прибранная по старинке. «Здесь прибрано, уютно. Стены украшены лубочными картинками. На окнах горшки с бальзаминами, будто выращенные самой героиней» (5, с. 121).

Дочь смотрителя ютилась в комнатке за перегородкой. «Комнатка Дуни» — светелка крестьянской девушки. Здесь ее кровать, столик для рукоделия, сундук для приданого.

В экспозиции «Ямщицкая половина» — большой продолговатый стол, за которым ожидали очередь на выезд ямщики, старинная русская печь с полатами, на которых они спали.

вымысел и историческая действительность пушкинского времени.

Переступив порог музея, посетитель погружается в атмосферу прошлого. Увидев весь комплекс, он не просто попадает в обстановку типичной почтовой станции пушкинского времени, он чувствует особый колорит. В самих экспозициях — печное отопление, естественное освещение, деревянные лавки, предусмотренные для экскурсантов. Это позволяет не только смотреть, но и включать в процесс восприятия все органы чувств.

«Чистая половина» — продолговатая горница. Большая часть помеще-

В «Конюшне» — стойла для лошадей. На стенах развешаны хомуты, уздечки, сбруи, дуги с колокольчиками. Самой красивой из всех известных видов упряжи на Руси была ямская троечная сбруя. В ней воплотилось накопленное веками самобытное искусство русских шорников. Ямская тройка радовала не только взор, но и слух. Как не вспомнить стихи поэтов XIX века:

Кто долго жил в глуши печальной,
Друзья, тот верно знает сам,
Как сильно колокольчик дальний
Порой волнует сердце нам...
(Н.И. Пущин),

Однозвучно гремит колокольчик,
И дорога пылится слегка,
И по ровному тихому полю
Разливается песнь ямщика
(И. Макаров).

**В экспозиции «Чистая половина
для господ проезжающих»**

Работа нашего музея строится таким образом, чтобы помочь посетителям освоить почтовое историческое наследие в его многообразии. Мы полны новых планов и идей, которые направлены на привлечение в музей разной аудитории. Наша задача не просто познакомить, но и увлечь посетителей удивительно интересной страничкой истории человечества — историей почты.

В июле 2010 года открылась выставка «Гужевой транспорт XVIII–XIX веков» из частной коллекции Александра Григорьевича Ивахнова. Она расположилась в павильонах, находящихся за почтовым двором Вырской станции. Выставка органично вписалась в тематику музея и дополнила основные экспозиции.

Испокон веков на Руси для перевозок грузов и людей использовался гужевой транспорт. Летом это была телега, зимой — открытые сани или закрытый возок с окнами и дверцами. Простейшей повозкой была четырехколесная телега. Она была устойчива и позволяла перевозить большой груз.

В царствование Петра I средства передвижения стали более разнообразными. Появились карета, открытые коляски — брички и фазтоны, тарантас. В Российской империи имелось такое разнообразие транспортных средств, какого нельзя было встретить ни в одном из государств Западной Европы.

В экспозиции «Ямщицкая»

Русская печь в экспозиции «Ямщицкая»

На выставке представлены различные экипажи XVIII–XIX веков: возки, кареты, коляски, большое число различных саней. «Гужевой транспорт XVIII–XIX веков» — это приглашение вернуться в прошлое, в тот романтический мир, в котором путешествия играли важную роль.

В настоящий момент совместно с Почтой России реализован проект создания на экспозиции «Почта России второй половины XIX века» действующей музейной почты.

С 6 августа 2010 года посетителей встречает не простой смотритель экспозиции, а почтовый служащий былого времени. Он знакомит с выставкой, посвященной истории почты; предлагает написать письмо гусиным пером, как это делали в XIX веке; штампует письмо или открытку с датой вашего пребывания в музее; помогает выбрать и приобрести почтовую сувенирную продукцию.

Сейчас на музейные учреждения возлагается новая задача — активное использование имеющегося историко-культурного наследия. Процесс пассивного созерцания памятников историко-культурного наследия должен смениться процессом его активного усвоения. Сотрудники бережно хранят, изучают, представляют на

Конюшня

музейных мероприятиях уникальную коллекцию в целях развития народных традиций, популяризации почтово-дорожного быта, освещения пушкинского наследия. Они понимают, что музейная деятельность в основном концентрируется в городах и редко когда музей в привычной и знакомой сельской среде может вызвать особый интерес.

Исходя из этого, с самого начала стала закладываться особая и значимая концепция культурно-образовательной деятельности. Используются различные формы работы с посетителями: организуются выставки, создаются экспозиции, проводятся праздники и мероприятия.

Для того чтобы рассмотреть музейно-педагогическую деятельность музея «Дом станционного смотрителя», выделим основные направления. Опираясь на подход Л.М. Шляhtiной, мы проанализируем работу, направленную на «...информирование, обучение, творчество, общение, отдых. Подобное выделение... является в достаточной степени условным, однако принято нами в целях более четкого уяснения возможностей презентации музейной информации...» (9, с. 4).

Информирование

Прежде всего музей предназначен для того, чтобы донести посетителям информацию. В рассматриваемых нами музеях можно увидеть разную аудиторию.

Посещение музеев входит в экскурсионный маршрут по пушкинским местам: Царское Село — усадьба Ганнибалов в Суйде — музей «Домик няни А.С. Пушкина» в Кобрино — «Дом станционного смотрителя» в Выре. В результате музеи имеют постоянных посетителей. Конечно, наибольшее количество экскурсий — обзорных. Но сотрудники музея, чтобы привлечь в музей группы повторно, разрабатывают тематические экскурсии, например: «Что такое станционный смотритель?», «Вести приходят так», «Как рубашка в поле росла». Они позволяют глубже рассмотреть отдельные элементы тематики музеев. В планах научных сотрудников — разработка абонементов тематических экскурсий.

Часто проводятся музейные уроки для учащихся 6–7-х классов с целью приобретения или углубления знаний по учебной программе: знакомство с биографией Александра Сергеевича,

Сани в каретнике (на заднем плане — фазтон)

анализ произведения «Станционный смотритель» и многие другие.

Предметная интерпретация способствует формированию новых представлений, и преподаватели литературы при изучении школьниками творчества А.С. Пушкина совмещают уроки с посещением музея.

Для дошкольников и ребят начальных классов проводятся экскурсии с применением интерактивной системы заданий, что способствует усвоению материала о путешествии на лошадях, о предках А.С. Пушкина, пушкинских сказок.

Организуются экскурсии для посетителей с особыми запросами, требующие от музейных работников углубленных знаний. Учителя, почтовые работники, пушкинисты, библиотекари и другие специалисты могут познакомиться, например, с такими темами: «История почтового штемпеля», «История Белорусского тракта», «Повести Белкина», «Ремесла на Руси». Для этого при проведении экскурсий, занятий и лекций используются научные работы сотрудников музея.

Таким образом, материал дается посетителям дифференцированно, а это позволяет расширить возрастные рамки информирования для знакомства с культурным наследием Гатчинского района.

Выставка «Гужевой транспорт XVIII–XIX вв.»

Обучение

Для лучшего понимания системы ценностей большое значение имеют широкие образовательные программы, связанные с сохранением историко-культурного наследия. Основное внимание уделяется работе с местными школьниками. Обучение ребят проходит в форме кружков, клубов и школ.

Интересно рассмотреть работу с местными школьниками, непосредственно связанную с тематикой музея. Уже многие годы существуют тесные контакты музея «Дом станционного смотрителя» с Гатчинским РУСом, Гатчинской почтой УПС. Это сотрудничество натолкнуло на мысль о создании проекта «Школы юного почтовика». Ведь во всех отраслях человеческой деятельности есть тысячи энтузиастов. С увлекательной страничкой истории почты решили познакомить учащихся Рождественской школы музейные сотрудники, создав «Клуб юного почтовика». Был разработан цикл занятий. Не сухое изучение исторического материала об этапах развития почты, а интересные практические занятия, увлекательные игры, экскурсии. Главным событием стало присвоение ребятам звания «Юный почтовик» с вручением головных уборов, сшитых по старинному образцу. В летние каникулы «юные почтовики» сами проводили экскурсии по экспозиции «Почта второй половины XIX века». Все, кто знает о работе этого клуба, уверены: «Почта будет жить вечно на Вырской почтовой станции».

Работа в клубах строится таким образом, что ребята и получают информацию, и многому учатся на практических занятиях. В результате систематических занятий дети начинают понимать, что история — это не только события, но и жизнь людей, их быт, культура, традиции.

Творчество

Развивая культурно-образовательное направление, музей привлекает студентов института имени И.Е. Репина, которые под руководством преподавателя В.Г. Ставрова проводят художественные занятия. Они выполняют серии иллюстраций на пушкинскую тематику, а также обучают местных ребят этому мастерству. Теперь в музее появляются выставки «профессиональных» детских рисунков.

Уникальные памятники природы, музеи, храмы, места, связанные с жизнью известных людей, становятся сюжетами замечательных картин местных художников: А.Н. Златкина, Д.С. Паныча и других.

«Творческих людей неудержимо тянуло и тянет в эти места. Не случайно Гатчинский район уже давно называют заповедником гениев... Ведь кто бы мог подумать, что всем знакомая еще с детских лет „Муха-Цокотуха“ была написана К.И. Чуковским в 1928 году на даче в Сиверской... Даже знаменитые „Ходоки у Ленина“, запечатленные в 1950 году В.А. Серовым, родом с гатчинской земли» (1, с. 8).

В настоящее время гатчинская земля продолжает быть импульсом для творческих начинаний. Местные музеи служат источником вдохновения для многих талантливых людей. Ежегодно в Гатчине проводится российский кинофестиваль «Литература и кино». И конечно, многие известные актеры и режиссеры — частые гости пушкинских музеев. Они привлекают внимание кинематографистов, и поэтому на фоне музея снималось немало фрагментов замечательных картин (2, с. 34). Среди них такие, как «Два голоса» (1979), «Снега» (1981), «Элегия» (1983), «Последняя дорога» (1987), «Шаги императора» (1990), «Чокнутые» (1991), «Русский бунт» (1998), исторический сериал «Господа присяжные», «Русская игра» П. Чухрая.

А сколько в гатчинских местах поэтов! Талантливые люди объединились в «Сиверское братство». В стенах музеев проходит общение с интересными людьми, состоятся презентации книг местных поэтов и писателей, чтение их произведений о родном крае, обсуждение услышанного. Происходит приобщение к литературно-поэтическому наследию. Мы видим, что музеи, как магнит, притягивают к себе творческих людей. И благодаря такому взаимодействию культурное наследие региона не только сохраняется, но и приумножается.

Общение

Не менее важным направлением культурно-образовательной деятельности музеев в сельской местности является общение. Особенность общения в условиях музея — его тематическая направленность, связанная с профилем музея, что дает возможность участникам процесса общения не только решать проблемы психологического характера, но и получать новые знания, а часто навыки практической деятельности (9, с. 32).

На постоянный контингент посетителей рассчитаны вечера, связанные с тематикой музея. Это встречи с интересными людьми, художественные программы и т. д. Совместными усилиями проводятся чаепития «Самовар кипит, уходить не велит»; вечера романса и поэзии «По дороге зимней, скучной», «У камина», «Ну, слава богу, вот и Выра, огни знакомого двора»; вечера отдыха,

на которых отмечаются все крестьянские праздники, — «Рождественские вечера», «Колядки», «Широкая Масленица» и другие.

Люди идут на контакт с близкими людьми, коллегами, представителями других поколений. В результате таких встреч происходит переосмысление ценностей и идеалов, событий и ситуаций. Музей становится для местного населения «...площадкой для общения, местом передачи жизненного опыта, житейской мудрости. Они сами живые памятники истории, носители исторической информации» (7, с. 13).

Праздники

Следует особо отметить, что широкое распространение в рассматриваемых музеях получили традиционные праздники. Они способствуют освоению и использованию исторически важных элементов культуры.

Специальные праздники устраивают сельские музеи для иностранных туристов. Музейная программа включает обзорную экскурсию по музею, встречу с фольклорными коллективами, катание на лошадях, дегустацию блюд деревенской кухни. Пусть поток иностранных туристов невелик, зато расширяется их география, устанавливаются постоянные контакты.

Два раза в год в музее «Дом станционного смотрителя» отмечается престольный праздник святых деревни Выра Кузьмы и Демьяна. Эти святые в народе известны как простые работники,

Традиционный пушкинский праздник

***Игровая театрализованная экскурсия
«Почта спешит к людям»***

которые охотно нанимались молотить, но при этом никогда не требовали платы, а ставили лишь условие, чтобы хозяева вволю кормили их кашей. Кузьма и Демьян как бы подавали пример бескорыстия крестьянам. Они также были покровителями семейного очага.

14 июля и 14 ноября в деревне проходили «кузьминки». Эти дни были особо почитаемы местными жителями. Не угаснуть этой старинной традиции помог музей. В комплекс построек «Дома станционного смотрителя» входит часовня. Здесь раньше путник мог поставить свечу.

В результате сотрудничества с Рождественской церковью для поддержания празднично-обрядовой культуры музей возродил религиозный праздник святых Кузьмы и Демьяна. Сохранение культового сооружения как памятника позволило по-новому открыть их для посетителя, возродить традиционный праздник наших предков.

О начале праздника оповещает колокольный звон, собирающий местных жителей на праздничную службу. Затем местные жители устраивают чаепитие. Можно отведать блинов с вареньем, сдобных калачей. Ведь и в старые времена хозяйки стря-

пали. Парни ходили с гармошками, девушки пели и плясали. Все это происходит теперь в музее. Специфическое музейное пространство усиливает эмоциональное воздействие от проводимого мероприятия. В такие дни открываются временные выставки предметов культа.

Приведенный пример демонстрирует использование новых форм сохранения нематериального наследия в сельской среде. Целью такой музеефикации является сохранение и актуализация культурного наследия.

В последние годы наблюдается интерес к народной традиционной культуре. Стало частым проведение в музее календарных народных праздников с играми, обрядами, ритуалами: «Жаворонки», «Играй, гармонь, звени, частушка», «Масленица», «Вечер в крестьянской избе» и другие. Ведь игра, фольклор воспитывают качества, необходимые ребенку в будущем: умение сосредоточиться, быстро реагировать, командовать и подчиняться, руководить и планировать. Участие в празднике — это путь к творческой самореализации личности, решение проблемы дефицита общения.

Особое место в музее занимают праздники, которые организуются в связи с юбилейными и памятными датами.

С июня 1986 года все музеи, связанные с именем А.С. Пушкина, объединил и стал для них традиционным областной пушкинский праздник «Тебя ж, как первую любовь, России сердце не забудет...».

В октябре проходит День лица. Особое событие октября — день рождения музея «Полосатый столб — свидетель многого».

В феврале — день памяти «Последней пушкинской дорогой».

Эти мероприятия состоят из нескольких частей, связанных общей программой, и предусматривают посещение всех гатчинских музеев: усадьбы Ганнибала, «Домика няни А.С. Пушкина», «Дома станционного смотрителя».

Пушкинские программы объединяют культурные и творческие ресурсы региона, привлекая население, выявляя народные таланты и творчество. К каждому празднику в музее открываются выставки местных умельцев, проводятся конкурсы чтецов пушкинских произведений, викторины в школах и детских лагерях, конференции.

Памятные пушкинские даты вызывают не только скорбные чувства, но и светлые переживания, которые делают нас причастными к духовному миру поэта. Путешествия по следам А.С. Пушкина удивительным образом рождают острое чувство единства нашего существования. Возникает и становится понятным ни с чем не сравнимое ощущение истории, перетекающей

*Игровая театрализованная программа
«Весенние жаворонки»*

из вчерашнего дня в завтрашний. В празднике проявляется и реализуется возможность музея стать основным мостом между современностью и прошлым, между человеком и культурным наследием.

Переменилось все на свете —
Другая жизнь и век иной,
И не в карете, а в ракете
Мы огибаем шар земной;

Другие радости, напасти...
Но только раз и навсегда
Нас опалила та звезда
Пленительного счастья.

И все нам дорого и свято —
И боль тех дней, и горечь лет...
И нет туда для нас возврата,
К прискорбью, нет.

Не ссорясь с современным миром,
Мы к прошлому мостим мосты:
Хотим пусть бегло, пусть пунктиром
Восстановить его черты (8, с. 4).

Итак, сельский музей с учетом предлагаемых мероприятий может занять существенное место в решении проблем сельской культурной среды. Перечисленные формы работы складывались десятилетиями, изменялись, развивались. Их разнообразие позволяет посетителям сделать выбор — заниматься тем, что их интересует. Создаются условия для самореализации представителям разных категорий посетителей. Сам же музей, организуя таким образом свою деятельность, включает аудиторию в историко-культурное пространство конкретной сельской среды.

Социальные, территориальные, экономические условия диктуют необходимость пересмотра музеями форм и методов культурно-образовательной работы. Внимание музейных работников следует направить на разрешение проблемы туристического экскурсионного сервиса. Используя опыт применения разнообразных форм культурно-образовательной деятельности, направленных на местных жителей, необходимо выйти с широким спектром образовательных, воспитательных и рекреационных программ на рынок туристических услуг. Конечно, для этого потребуется создание рабочей зоны для творческой деятельности. А это для сельского музея проблема — ведь, как правило, такие музеи располагаются в одном-трех помещениях, при этом занятых экспозициями. Поэтому в настоящее время назрела необходимость в создании соответствующей инфраструктуры: комфортабельные рекреационные пространства, зоны отдыха, удобные дороги и стоянки, питание и прочая сфера услуг, удовлетворяющая требованиям посетителей.

На данный момент важно включить в перспективы развития нашего музея реализацию концепции строительства научно-методического центра. Это крайне необходимо, так как в настоящее время на музейные учреждения возлагается новая задача — активное использование имеющегося историко-культурного наследия. Процесс пассивного созерцания памятников культурного наследия должен смениться процессом его активного усвоения.

Ведь «...музей — это живой организм, который должен реагировать на происходящие вокруг нас события, сохранять память об историческом прошлом... Большую роль в развитии музея и неослабевающего к нему интереса играет, конечно, его деятельность и современные формы работы с посетителем» (3, с. 35).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурлаков А. Гатчинская тропинка к Пушкину. СПб.: Лига Плюс, 1999.
2. Бурлаков А. Туристические маршруты Гатчинского района. Гатчина: СЦДБ, 2003.
3. Визбул Т.В. Музей и город // Музей и его партнеры: сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика». М.: Априкт, 2004. Вып. 5.
4. Горчакова Э. У станционного смотрителя // Советская Россия. 1983. 27 марта.
5. Грановская Н.И. Если ехать вам случится: очерк-путеводитель. Л.: Лениздат, 1989.
6. Колесов О. Хранители истории — колхозники // Ленинградская правда. 1972. 28 нояб.
7. Медведева Е.Б. Партнерство как новая музейно-педагогическая технология // Музей и его партнеры: сборник трудов творческой лаборатории «Музейная педагогика». М.: Априкт, 2004. Вып. 5.
8. Смольников И.Ф. Годы и версты Пушкина. СПб.: Лицей, 1999.
9. Шляхтина Л.М., Мастеница Е.Н. Музейная педагогика. СПб.: С-Петербургский университет культуры и искусства, 2000.

МАНГАЗЕЯ В АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ МУЗЕЕ «ТАЛЬЦЫ»

*Марина Леонидовна Ометова,
ведущий научный сотрудник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Земледельческое хозяйство Сибири, начатое в конце XVI – начале XVII века, получило более широкое распространение в последующие века. Ангаро-Лено-Илимский край вошел в историю под названием «Илимская пашня». Почва в этом крае была разнообразной. Лучшей почвой считался лесной суглинок, по нему сеяли пшеницу. Второе место занимал чернозем, лежащий в падах. Годные для посевов пашни располагались по южным и восточным склонам, не доходя до подножья и не достигая вершин, чтобы хлеб не вымерзал зимой и не выгорал летом. Большую часть территории занимали леса. Природно-климатические условия края — высокая температура летом (до +35°), низкая зимой (до –50°), короткий вегетационный период (90 дней), неравномерное распределение влаги — создавали много трудностей для земледельца. В связи с этим часто возникали неурожаи, кроме того, случались и наводнения — все это вынуждало крестьян обращаться к государству за ссудой.

С целью поддержания крестьян в неурожайные годы государство стало создавать специальные экономические магазины, называемые в народе «мангазея», «магазей», «магазея» и даже «гамазея». Они занимались доставкой «пособий жителям в случае непредвиденных несчастий». Крестьяне должны были сдавать часть урожая в мангазею, а в случае неурожая могли воспользоваться зерном с обязательным возвратом после сбора урожая. Выдачи производились по общественным приговорам с поручительством и не должны были превышать двух третей запасов, имевшихся в экономических магазинах. Кроме того, запасы пополнялись за счет натуральных взносов крестьян. Из хлебных экономических магазинов выдавалась также руга духовенству. Размеры приходской руги определялись специальными договора-

Мангазея, юго-западный угол сруба

ми (контрактами) между причтами и прихожанами. В Восточной Сибири приходская руга имела значительные размеры и доходила до 4 пудов ржи в год с каждого двора.

Мангазеи для хранения общественного хлеба использовались вплоть до середины XX века. Так, мангазея, вошедшая в экспозиционный комплекс «Волостное село» в Архитектурно-этнографическом музее «Тальцы», практически до момента перевозки в музей в 1980-е годы использовалась по назначению. Принадлежала она ныне уже не существующей деревне Савино (затоплена водами Братского водохранилища) на Савинском острове, располагавшемся в 2 километрах от деревни

Ёдарма в нижнем течении реки Ангары. По данным, полученным архитектором А.В. Субботиным во время обследования памятника в 1988 году, постройка относится к началу XX века, основной сруб мангазеи был сооружен в период с 1900 по 1905 год, а в советское время — в 1921–1922 годах, к нему был пристроен дополнительный сруб, меньших размеров, но выполненный в едином стилевом оформлении.

Строение в плане представляет собой прямоугольник размером 13,5 x 7,8 метра, ориентированный торцами на запад и восток. Стены сложены из бревен диаметром до 20 сантиметров, рубленных «в обло», опирающихся на врытые в землю деревянные столбы — «стулья», которые выполняют роль фундамента. Такая конструкция позволяла поддерживать необходимый для хранения зерна температурно-влажностный режим, обеспечивала требуемые санитарно-гигиенические условия и надежную защиту от грызунов.

Крыша мангазеи перекрыта двускатной самцовой кровлей, крепящейся с помощью потоков и куриц, включающей элементы стропильной конструкции. Кровля крыта тесовыми досками в два слоя. Торцы слег, выходящие на фасад, закрываются причелиной, элементы конструкции крыши обработаны резьбой.

Под полом устроен накат из бревен, предназначенный для дополнительной защиты хранящегося в мангазее зерна. Бревна наката своими концами врублены в продольные стены и торцами выходят наружу. По накату уложены лаги из бревен, на которые опираются полы из полубревен с четвертью. Концы полубревен полов заведены в стены сруба.

В южной и северной стенах сделано по три световых окна, они использовались для проветривания и освещения помещения.

В мангазее два входа, расположенных на западном и восточном фасадах. Между дверями создается коридор с сусеками, рубленными «в лапу» из толстых досок. Они имеют традиционную конструкцию с переборкой, дающей возможность легкого доступа к зерну.

Подъемом на крыльцо служил пандус — пологий въезд из досок, это более удобная и целесообразная конструкция для транспортировки грузов, чем лестница.

В момент обследования мангазеи ее общее состояние было оценено как удовлетворительное. На крыше были утрачены пото-

Мангазее, фронтон западного фасада

Мангазея в музее «Тальцы». 2010 г. Фото Ю. Лыхина

ки и курицы и сделано покрытие из шифера, внешнее декоративное убранство практически не сохранилось, отсутствовали двери, лестницы.

В результате реставрации полностью были заменены накат бревен под полом, конструкция крыши (потоки и курицы) и ее покрытие. Отреставрированы дверные косяки, восстановлены двери, крыльца на западном и восточном фасадах, сусеки, пандус, восстановлена резьба.

По проекту реставраторов мангазея была восстановлена с поздними наслоениями — решено было сохранить пристрой, сооруженный в 1920-е годы, по мнению специалистов, его «сохранение является следом длительного существования мангазеи, не затемняет и не искажает информацию о художественном облике сооружения далекого прошлого, несет свою эмоциональную информацию о жизни памятника во времени, которая является важной составной частью его эстетического восприятия» (1, л. 9).

Теперь в мангазее готовится к открытию экспозиция, посвященная истории хлебопашества в Среднем Приангарье. Эта тема очень актуальна для музея, так как она значима и для освещения истории Сибири в целом. Говоря о таком явлении в Сибири, как «мангазея», В.Н. Шерстобоев сообщал, что «илимский крестьянин за свою историю испытывал тяжелые, если не сказать бед-

ственные години. Неурожаи и наводнения нередко ставили целые волости в положение, почти безвыходное. Но лишь изредка казна оказывала своим кормильцам скудную помощь» (5, с. 70).

Несмотря на это, хлебозапасные магазины были признаны крестьянами не сразу, они долгое время относились к ним с опаской и осторожностью. История появления и распространения мангазей подробно описана В.Н. Шерстобоевым. Рассмотрим основные моменты.

Первые шаги по созданию хлебозапасных магазинов стали делаться государством в 1760-е годы. 19 февраля 1761 года Сенат предложил заводить во всех вотчинах запас хлеба хотя бы на год. В печатном указе Сената 28 ноября 1767 года это распоряжение подтверждается, но в то же время дается предупреждение: «помещикам и управителям накрепко смотреть, дабы иначе из сего полезного учреждения не произошло вредительного злоупотребления» (7, с. 72).

Указ Сената от 28 ноября 1767 года в количестве 25 экземпляров с предписанием «о заведении... казенного ведомства... во всяком у них селении хлебных мангазейнов» был препровожден в Илимск обер-секретарем Сената 4 декабря (7, с. 72). Однако в Илимском уезде не спешили создавать «мангазейнов», указ Сената пошел в подшивку.

Мангазея в музее «Тальцы». 2010 г. Фото Ю. Лыхина

Неурожаи случались довольно часто, и крестьяне продолжали просить у государства хлебную ссуду, отказываясь при этом создавать хлебозапасные магазины.

Сенат вынужден был издать новый указ 22 августа 1776 года, который предписывал собирать хлеб «доброхотным взносом, по возможности крестьянской» и «крестьян всевозможно соглашать» (7, с. 74).

Тогда в Чечуйском остроге и Сполошенском погосте появились первые запасные хлебные магазины, построенные крестьянами.

Иркутская губернская канцелярия 13 марта 1780 года вновь издает указ о желательности построить хлебные магазины. Усть-Киренская воеводская канцелярия разъяснила волостям, что магазины учреждаются «не для казенной надобности и употребления, но единственно для собственной их [крестьян] пользы и спасения в случае недородов» (7, с. 75). Она рекомендовала возобновить добровольный сбор зерна, выбрать двух человек к каждому магазину для приема и выдачи хлеба и построить после окончания полевых работ магазины во всех селениях на безопасных от наводнения и пожара местах. Некоторые начатки этого дела можно отметить по отчетам мирских изб за 1779 год: в Орленской волости было собрано «от доброхотных деятелей» 54 пуда, в Илгинской — 234 $\frac{1}{2}$ пуда зерна.

В 1779–1786 годах небольшие ссуды выдаются уже по ряду волостей из запасных магазинов. Из бывших монастырских житниц за 1779–1782 годы было выдано крестьянам шести волостей 13 538 пудов.

К 1794 году по Иркутской губернии было роздано 73 559 пудов, в том числе по Иркутской округе — 50 776, по Нижне-Удинской — 15 877, по Киренской — 2 205, по Доронинской — 3 359, по Нерчинской — 1 342 пуда хлеба. Кроме того, оставалось в магазинах 20 496 пудов.

При новом устройстве волостей Иркутской губернии в 1798 году была подтверждена необходимость организации запасных магазинов по таким правилам: в каждой волости создается один или несколько магазинов на местах, безопасных от пожаров; они находятся в ведении волостных голов и смотрителей, выбираемых крестьянами; сбор хлеба производить соответственно пахотной площади каждого крестьянского двора: озимого по $\frac{1}{2}$ пуда, овса по 10 фунтов, другого ярового хлеба по 10 фунтов с десятины; хлеб, лежавший в магазине два года, продавать или обменивать на свежий после уборки урожая; продажу и покупку ведут волостные правления совместно с выбранными смотрителями; раздачу запасного хлеба чинить «не иначе, как с мирского согла-

сия» и с ведома волостного головы; выдавать весом, но не менее как по 4 пуда человеку; волостные правления должны вести хлебу «верный щет».

По официальным данным 1840 года по Иркутской губернии, «в каждом мирском обществе есть экономический запасный магазин, откуда выдают крестьянам зерновой хлеб на посев. Теперь по всей губернии считается 564 магазина, в них хлеба 2 714 670 пудов 30 фунтов» (4, с. 367).

Таким образом, хлебозапасные амбары-мангазеи, введенные государством в 1760-е годы, со временем получили широкое распространение и были по достоинству оценены крестьянами. По своему назначению они использовались и в советское время.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Ф. 1. Оп. 2–4. Ед. хр. 47. Мангазея. Научно-проектная документация. Комплексные научные изыскания.

2. Архив Архитектурно-этнографического музея «Тальцы». Ф. 1. Оп. 2–4. Ед. хр. 50. Комплекс «Волостное село». Мангазея. Проектная документация. Комплексные научные изыскания. Обоснование проектных решений.

3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2: И – О. М.: ТЕРРА, 1994.

4. История Сибири. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968.

5. Майдачевский Д.Я. Неопубликованные страницы «Илимской пашни» // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001. С. 67–70.

6. Наумова О.Е. Иркутская епархия. XVIII – первая половина XIX века. Иркутск: Изд-во Иркут. гос. техн. ун-та, 1996.

7. Шерстобоев В.Н. [Илимская пашня Т. 2: Илимский край во II–IV четвертях XVIII века. Глава VII: Урожаи и сборы хлебов.] Ссуды и хлебные магазины // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2001. Иркутск, 2001. С. 70–78.

8. Шерстобоев В.Н. Илимская пашня. Т. 1: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века. 2-е изд. Иркутск, 2001.

ВЫВЕСКИ В ЭКСПОЗИЦИИ МУЗЕЯ «ТАЛЬЦЫ»: ТРАДИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ

*Оксана Юрьевна Фролова,
ведущий художник
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы»,
г. Иркутск*

Территория Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» занимает около 70 гектаров. На ней располагается множество памятников деревянного зодчества, которые входят непосредственно в экспозицию музея. Это прежде всего деревня-малодворка, состоящая из трех крестьянских усадеб разного времени, волостное село, башня Илимского острога с привратной церковью Казанской Божьей Матери, а также отдельно стоящие усадьбы и дома постройки XIX – начала XX века, каскад водяных мельниц, кладбище, бурятский улус и т. д. Кроме постоянных экспозиций музеем располагает тремя выставочными залами. На его территории находятся несколько мастерских народных промыслов, кузница, чайная и трактир, служебные помещения для сотрудников музея и охраны. Все эти объекты нуждались и нуждаются в художественно оформленных информационных материалах — вывесках, аннотациях, разъяснительных табличках, указателях. Много памятников деревянной архитектуры находятся во временной сборке и еще не включены в постоянную экспозицию, но и они требуют своего обозначения, информация о них должна быть также доступна для посетителей музея.

Перед художниками, работающими в музее, стоит непростая задача: деликатно, не нарушая сложившейся за более чем 30 лет существования музея особой, сдержанной и гармоничной среды, ввести в нее необходимые для создания экспозиции объекты малых форм, которые бы несли важную для понимания структуры музея информацию. Эту роль и берут на себя вывески, аннотации, указатели, различные таблички и т. д.

Естественный природный ландшафт, в котором находятся архитектурные памятники, теплый колорит старого дерева, из которого они построены, — все это создает особую, спокойную,

присущую только «Тальцам» атмосферу, столь ценимую нашими посетителями, и задача музейного художника-экспозиционера — ее подчеркнуть, а не нарушить.

Музей — это живой организм, развивающийся, трансформирующийся и постоянно обновляющийся. Вместе с тем основной задачей Архитектурно-этнографического музея «Тальцы» является сохранение и показ традиционной культуры сельского, крестьянского общества XVII–XX веков, народной культуры, которая складывалась веками. Художник, работающий в музее, обязан всегда помнить об этом. Традиции, преемственность являются главной составляющей работы специалиста.

Старинные вывески — это тоже часть материальной культуры, память о прошлом. К сожалению, подлинных старинных вывесок почти не сохранилось. Общеизвестно, что при смене власти, политического строя в государстве (что в России происходило не раз) первыми страдали именно вывески, прежде всего как носители признаков старого режима, — это и гербы, и различные символы, названия и имена, монограммы, устаревшая орфография и т. д. — их попросту срывали и уничтожали.

Сохранились редкие старинные фотографии, на которых можно увидеть торговую площадь волостного села с лавочками, присутственными местами и вывесками на домах (фото 1).

**Фото 1. Волостная управа. Село Бельск Иркутской губернии.
Начало XX в. Фото из фондов музея «Тальцы»**

Старинные почтовые открытки конца XIX – начала XX века с видами городов, волостных сел также донесли до нас облик старых вывесок (фото 2, 3). Какими были вывески в старину, мы можем увидеть и на картинах Б.М. Кустодиева. Художник любил рисовать маленькие провинциальные городки с их торговыми, ярмарочными площадями, трактирами, булочными и лавками. В поле его зрения часто попадали и вывески.

Документальные свидетельства ушедшей эпохи — фотографии, рисунки, открытки, картины, на которых запечатлены старинные вывески, — все это является основным материалом, который использует в своей работе художник, работающий в музее.

Теперь о главном: стилистике и композиции старинных вывесок, материалах, из которых их изготовляли, шрифте, цветовой гамме, художественном оформлении. Известно, что в старину вывески в деревнях рисовались в основном художниками-самоучками, малярами (отсюда, возможно, возникло выражение «намалеванные вывески»), иногда эта работа производилась заезжими артельными мастерами, и только богатый торговец, содержатель постоялого двора или владелец большой лавки мог заказать себе вывеску в городе, в мастерской, профессиональному художнику. Казенные учреждения — школы, больницы, волостные управы — также могли иметь выполненные в городских мастерских вывески.

В старину деревенские вывески были выполнены в стиле «наивной, примитивной живописи» — предметы рисовались ча-

Фото 2. Иркутск, улица Пестеревская (ныне ул. Урицкого)

Фото 3. Иркутск, улица Ивановская (ныне ул. Пролетарская)

сто неправильно, в силу умения того или иного мастера, но были при этом старательно прорисованы. Изображались различная снедь (фрукты, кренделя, сыры, окорока, колбасы) и прочий товар (скобяные изделия, самовары, платье, обувь). «Неправильность» придавала старинным вывескам особое очарование, теплоту, искренность. Они не были назойливы (как современная реклама), хотя выполняли ту же функцию — позвать, привлечь внимание покупателя. Часто вывеска представляла собой цельную, законченную композицию и была самоценна сама по себе. Вспомним самобытного грузинского художника Пиросмани, рисовавшего свои маленькие шедевры в начале XX века в Грузии и ставшего известным именно как художник, писавший вывески.

Композиция старинной вывески обычно строго симметрична: прямоугольник, вытянутый по горизонтали (реже по вертикали), в центре поля надпись. Иногда основу для вывески делали фигурной: треугольной (повторяя форму фронтона), овальной, с арочным верхом. Часто хозяин заведения вместо вывески с надписью вывешивал над входом крендель из жести (если это была булочная) или сапог (если велась торговля мануфактурой или скобяными товарами).

Использовались шрифты самых различных, «модных» в конце XIX – начале XX века стилей: «итальянский» (с подсечками), «модерн», типографский «курсив» (каллиграфический), «таймс»,

древнерусская рукописная круглая и угловатая вязь (кириллица), антиква. Применялись и декоративные титульные шрифты, иногда использовались шрифты в стиле «шинуазри» — китайщина (в основном для вывесок чайных магазинов), а также «готик», «буквицы» из древнерусских печатных книг, украшенные затейливой вязью и богато орнаментированные. Нередко шрифты рисовались объемными, с иллюзорной светотенью.

Вывески часто украшались декоративным орнаментом и заключались в раму. Фон обычно прописывался синим (ультрамарин, кобальт), бордовым, зеленым или голубым. Соответственно надписи иногда золотились или прописывались белилами. По светлому фону наоборот — шрифты рисовались темными красками — коричневой, черной, синей, бордо, зеленой.

Пожалуй, самые яркие и заметные цветовые пятна в экстерьере нашего музея — его вывески. Обычно они помещаются на фронтонах домов и видны издали. В «Тальцах» вывесок множество: «Берестяной промысел», «Гончарная мастерская», «Ткацкая мастерская», «Трактир», «Чайная», «Выставочный зал», «Волостное правление» и т. д. (фото 4, 5, 6, 7).

Чем руководствуется художник, создавая вывески для музейной экспозиции? Прежде всего выбирается материал, из которого создается вывеска. Он должен быть натуральным: дерево, металл, фанера, в крайнем случае ДВП. Безусловно, в настоящее время

**Фото 4. Здание волостного правления
в музее «Тальцы»**

рекламный рынок располагает множеством удобных и прочных синтетических материалов — цветных полистиролов, плит КОМАТЕХ, поликарбонатных пластиков, виниловых пленок типа «ОРАКАЛ» и т. д. Но все это великолепие при попытке применить его в музее не оправдало себя. Выполненные из современных материалов вывески вносили дисгармонию в музейный ландшафт, вырывались из него, диссонировали. Синтетические фактуры, яркий, флюоресцентный, неестественный цвет — все это смо-

**Фото 5. Выставочный зал № 1
в музее «Тальцы»**

трелось на старых домах инородными предметами. Кроме того, в экстремальных природных условиях музея под открытым небом (морозы, ветры с Ангары, летняя жара) эти материалы попросту не выдерживали — пленки коробились, пластик лопался! В результате нам пришлось вернуться к натуральным, старинным, проверенным временем вышеперечисленным материалам.

Как правило, вывески в музее требуются на вновь вводимые объекты — например, на новый выставочный зал или мастерскую, которые располагаются, как правило, в домах временной сборки и затем планомерно переносятся в постоянную экспозицию музея (дом Васильева — гончарная мастерская, фото 7; дом Петрова — выставочный зал № 1, фото 5, конец XIX — начало XX в.). В этом случае работа художника строится с соблюдением исторической достоверности, но творчески: вводятся элементы современного рекламного стиля — стилизованный под старину шрифт, яркие краски. Цветовая гамма в музейной экспозиции очень важна — в «Тальцах» она в основном теплая: все оттенки охры: коричневые, желтые, золотистые, брусничные тона, естественные зеленые. Они идеально гармонируют с музейной средой. Те же

Фото 6. Дом в музее «Тальцы» (конец XVIII – начало XIX в.), в котором работают мастера берестяного промысла

правила применимы и для оформления более мелких элементов в экспозициях: аннотаций к выставкам, указателей, различных табличек, этикетаж, пояснительных текстов. Так же тщательно подбирается цвет бумаги и картона для текстов — берется чуть желтоватая, как бы состаренная, фактура фона. Со временем выработался и сложился «фирменный» шрифт, наиболее приемлемый в экспозициях АЭМ «Тальцы», — это курсив, кириллица, иногда модерн и антик. Например, кириллица использована в деревянных указателях-стрелках, показывающих посетителям направление движения по обширной территории музея и обозначающих названия главных экспозиций (фото 8). С самого основания музея художником В.Е. Нефедьевым для указателей было выбрано верное художественное решение — в виде верстовых столбов. 20 лет простояли они на открытом воздухе, дерево обветшало, почернело и сгнило, реставрировать указатели уже не имело смысла, пришлось заменить их аналогичными новыми. Художник А.А. Фролов использовал для столбов дерево лиственницы, которое практически не гниет (старые изготовлены из сосны). Были введены некоторые усовершенствования — вся конструкция была обработана BELINKA TOPLASUR — средством,

сохраняющим натуральный цвет дерева и предохраняющим его от атмосферных воздействий. Стрелки с надписями выполнены в технике объемно-рельефной резьбы, фон под шрифтом углублен и тонирован киноварью.

Главное условие исторической достоверности вывески — ручная работа. Никаких трафаретов, все должно быть прорисовано и прописано вручную, кистью, масляными красками и эмалями, как в вывеске «Берестяной промысел», художник В.Е. Нефедьев (фото 6). Вывеска исполнена в «наивном» стиле: неровно прописан шрифт, видны мазки кисти по фону. Возможно, в городской среде она бы смотрелась непрофессионально, а в музее на доме Шеметовой (конец XVIII – начало XIX в.) вывеска на месте и составляет одно целое со старинными бревнами фасада.

Совсем иной подход к домам, которые составляют ядро экспозиции АЭМ «Тальцы», к усадьбам, которые изначально ставятся на планируемом месте, например усадьба волостного правления из села Бельск Черемховского района (фото 4).

Более десяти лет создавалась музейщиками эта экспозиция, подбиралась инфраструктура усадьбы, постройки для которой,

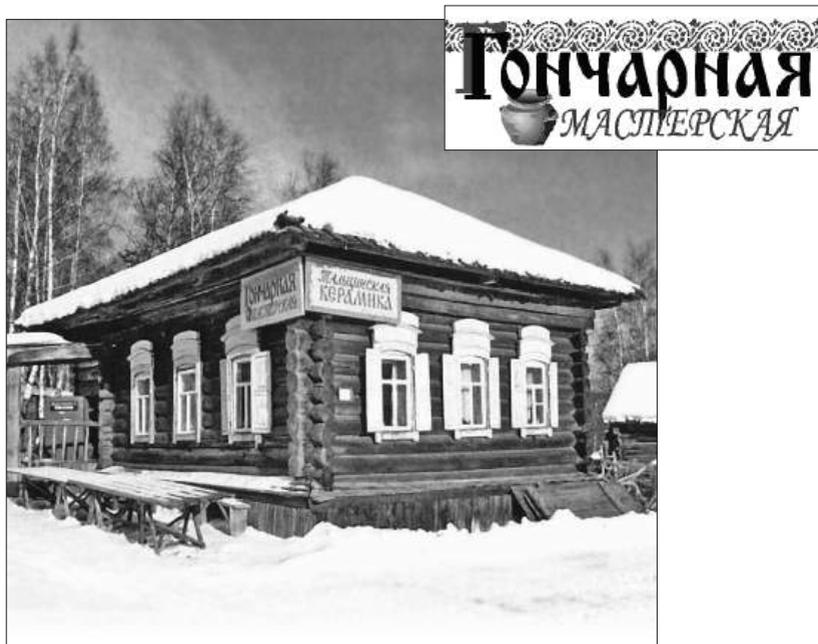

Фото 7. Гончарная мастерская в музее «Тальцы»

Фото 8. Стрелка-указатель в музее «Тальцы»

по аналогу, свозились со всей области. Реставрация здания управы была в 2006 году завершена, и усадьба открыта для посетителей. Перед художниками стояла ответственная задача — создать вывеску «Волостное правление», которая будет открывать экспозицию и давать понимание посетителю, что перед ним государственное, облеченное властью казенное учреждение. Был разработан и утвержден на ученом совете эскиз вывески (фото 4). Основа для вывески была заказана в реставрационную мастерскую (обычно эту работу исполняют в собственном столярном цехе на территории музея). Реставратором (Р.А. Давыдов) был изготовлен планшет, обтянут жостью, загрунтован, обрамлен в профилированную раму. Возникла проблема — мастер применил электрофрезер для создания фигурного профиля рамы, а в старину профили выводились вручную, специальным инструментом — калёвкой. Пришлось вернуться к старинной технологии. Затем художником (О.Ю. Фролова) вручную был прописан фон (зеленым хромом — традиционный цвет для официальных вывесок конца XIX — начала XX в.), прорисованы шрифты со светотенью, герб Российской империи.

Создавая вывески и другое оформление музейной среды, художник должен сознавать меру своей ответственности и перед музеем, и перед его посетителями, придерживаться исторически сложившихся традиций, композиции, стиля, цветовой гаммы. Историческая достоверность, соответствие образу эпохи — основной критерий для музейщика. В работе музейного художника нет мелочей — этим правилом он и должен руководствоваться.

ЛИТЕРАТУРА

1. Декоративно-прикладное искусство Санкт-Петербурга за 300 лет: иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2004. Т. 1.
2. Лебедева В. Кустодиев: Время. Жизнь. Творчество. М., 1984.
3. Медведев С.И. Иркутск на почтовых открытках. 1899–1917: историко-библиографический альбом-каталог. М., 1996.
4. Смирнов Н. Петербург: История торговли. СПб., 1999. Т. 1.

ЧУДО ОМОЛОЖЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКОЙ ИКОНОПИСИ

*Елена Викторовна Логинова,
художник-реставратор
станковой и масляной живописи
I категории,
г. Шелехов*

Издревле живая природа, окружающая человека, являлась источником жизни, обеспечивала его жилищем, питанием, лекарственными средствами, материалами для изготовления утвари и культовых символов, то есть источником создания и обновления созданного. Основополагающий принцип законов природы — обмен веществ на основе единого молекулярного прототипа всего сущего на Земле.

В процессе жизненных наблюдений за явлениями окружающей среды наши предки бережливо накапливали полезную информацию о свойствах веществ и создавали из универсальных пищевых продуктов универсальные эликсиры. Богомольные старушки, испытывая на себе благотворное влияние целебных животворных средств, стремились «подлечить» тем же и дорогие сердцу реликвии. В качестве противовоспалительного, бактерицидного или косметического средства для внутреннего и наружного пользования применялся эликсир из воды, яичного желтка и бычьей желчи. Проглотив ложку снадобья «от желудка» или обмотав ногу компрессом, русские бабушки могли любовно нанести эликсир и на потемневшую икону. Заботливо периодически протирая поверхность влажным платочком, они лицезрели чудо: поверхность святыни становилась прозрачней, светлее, сходила чернота копоты, и глазу открывалось яркое многозвучие старинных красок! Наступал момент торжества веры!

А ведь происходило естественное для природы явление — восстановление вещества. Создав единый прототип материи, природа обеспечила и механизм непрерывного воспроизводства его аналогов.

Современная наука раскрывает секреты механизма постоянно действующего обновления материальных форм существования. Обеспечивают действие механизма обновления ферменты: вещества, однородные всем существующим, — это аминокислоты и другие белковые биополимеры, — но обладающие особыми функциями в циклах естественного существования жизни. Ферменты инициируют обмен веществ, замену истраченных элементов вещества — мономолекул, утративших энергетический запас, такими же мономолекулами, но воспроизведенными в соответствии с распавшимися образцами из молекулярного материала окружающей среды.

Любой материал естественной среды, например кусок дерева, становясь художественным произведением, остается частью живой природы. Изъятый из среды естественного существования, он продолжает жить, однако лишенный возможности самостоятельно восполнять затраты по поддержанию жизненных процессов, например фотосинтезом.

Аналогичны и причины старения и разрушения живописных структур иконописи — левкаса и красочного слоя, состоящих из горных пород (мел), минералов, живой ткани (яичный желток) и экстрактов белковых структур (эпителиальный клей), — отсутствие восполнения энергозатрат для поддержания процессов материального существования. Человеку свойственно восполнять подобные затраты питанием, и сердобольные старушки понимали, что для сохранения любимых реликвий их тоже нужно обеспечить питанием. Испокон веков для освежения красок живописи использовали чеснок и лук, мед и лимонный сок, эфирные масла и бычью желчь, соль и хлебный мякиш, яичный белок и воду, крахмал и пчелиный воск, молоко и т. д. Наблюдательные целительницы — ведуньи, создавая лекарственные снадобья, интуитивно, наугад, по принципу наивысшей пользы, формировали многокомпонентные составы, обладающие универсальной эффективностью. При их воздействии на живопись фактически восстанавливался не цвет окрашенных минералов, то есть пигментов, а прозрачность среды связующего, составляющего оптическую систему живописи.

Красочный слой живописи — это взвесь минеральных частиц в прозрачной органической среде, которая является преломляющей лучи света призмой. Такая система обеспечивает прозрачность, яркость и глубину колорита. При явлениях разрушения связующего красок нарушается и функционирование оптической системы живописи, красочный слой тускнеет и блекнет. При вос-

становлении вещества связующего красочного слоя старые краски снова загораются неповторимой первозданной подлинной яркостью, усиленные цветом топазово-теплой призмы пленки олифы.

Лидером эффективности комплексного восстановительного воздействия на художественные материалы в настоящее время безусловно является выделенный научно-реставрационной практикой целебный эликсир из воды, яичного желтка и медицинской желчи, опубликованный в 70-х годах прошлого столетия реставратором Н.Я. Петуховым (г. Рига, Латвия) в научном сборнике Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации (г. Москва, Россия). Многолетний профессиональный опыт применения старинного эликсира при реставрации художественных произведений автором данного сообщения раскрывает широкие возможности уникального старинного народного снадобья. Воздействие эликсира универсально, эффективность применения прогнозируема. Научное изучение результатов взаимодействия эликсира со структурами художественных ценностей гарантирует его исключительно положительное воздействие на материю объектов реставрации.

Впечатляющим примером омоложения вещества эликсиром Петухова является также восстановление обгоревшей бумаги. При погружении в эликсир восстанавливаются механическая прочность бумаги, ее цвет и фактура, сохраняется нанесенный текст. Данное явление может не только воодушевить хранителей древних рукописей и старопечатных книг, но и оказаться примером жизнеутверждающего потенциала природы для современного населения мегаполисов, отстраняемого индустриально-технократической масс-культурой от животворящих истоков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бобров Ю.Г. История реставрации древнерусской живописи. Л.: Художник РСФСР, 1987.
2. Вздорнов Г.И. История открытия и изучения русской средневековой живописи, XIX век. М.: Искусство, 1986.
3. Гаммерман А.Ф., Щупинская М.Д., Яценко-Хмелевский А.А. Растения-целители. Лекарственные растения нашей Родины. М.: Высшая школа, 1963.

4. Крейчи В. Мир глазами современной физики. М., 1984.
5. Лелеков Л.А. Теоретические проблемы современной реставрационной науки // Художественное наследие. М., 1989. Внеочередной выпуск.
6. Логинова Е.В. Применение ферментов в реставрации станковой живописи // Материалы Международной научно-практической конференции «Исследование и реставрация музейных ценностей. Современное состояние и проблемы». Киев, 2003.
7. Матье Г. С витаминами — к здоровью! М., 2001.
8. Петухов Н.Я. Укрепление обожженного красочного слоя с помощью желтково-скипидарной эмульсии // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М., 1975. № 1 (31).
9. Ромащенко В.М., Логинова Е.В. Исследование и реставрация картины С.Ф. Щедрина «Вид в окрестностях Неаполя» // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. М., 1989. № 12.
10. Технология, исследование и хранение произведений станковой и настенной живописи. М.: Изобразительное искусство, 1987.
11. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы. История их изображения / сост. протоиерей И. Бухарев. М.: Каравелла, 1994, по изданию Г.И. Простакова, Балчуг, д. Симонова монастыря, 1901.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И АРХИВОВ
ИРКУТСКОЙ ОБЛАСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ КУЛЬТУРЫ
АРХИТЕКТУРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ «ТАЛЬЦЫ»

ПРИКАЗ

15 июля 2010 г.

№ 151/АХ

О награждении

В связи с празднованием 18 июля 2010 г. 30-летия со дня образования музея

ПРИКАЗЫВАЮ:

За большой вклад в развитие музея «Тальцы» наградить почетным знаком «Почетный деятель музея „Тальцы“»

БРИЛКУ СЕРГЕЯ ФАТЕЕВИЧА — заместителя губернатора Иркутской области в 1997–2003 гг. — знак № 4.

ЛАПЕНКОВА ВЛАДИМИРА МИХАЙЛОВИЧА — председателя комитета по культуре Иркутской области в 1990–1997 гг. — знак № 5.

НЕФЕДЬЕВУ АЛЕКСАНДРУ КАРПОВНУ — заместителя директора АЭМ «Тальцы» по науке в 1995–2008 гг. — знак № 6.

Директор ГУК АЭМ «Тальцы»

В.В. Тихонов

Тихонов В.В., Нефедьева А.К., Усенко Е.А. Региональный туристический проект «Этнографическое кольцо Московского тракта периода столыпинской реформы». Иркутск, 2007. 68 с.

В книге на основе собранного исторического и этнографического материала рассматривается возможность организации туристического маршрута вдоль Московского тракта в пределах Иркутской области с освещением темы столыпинской реформы. Обосновывается развитие под создаваемый туристический маршрут историко-культурной и хозяйственной инфраструктур — музеев, гостиниц, кафе, ремесленных мастерских и т. д.

Русская Америка: материалы III Международной научной конференции «Русская Америка» (Иркутск, 8–12 августа 2007 г.). Иркутск, 2007. 564 с.

В сборник включены доклады и сообщения, представленные на III Международную научную конференцию «Русская Америка», состоявшуюся в г. Иркутске 8–12 августа 2007 г. Конференция была проведена спустя много лет после Первой и Второй Международных конференций, проводившихся соответственно в 1979 и 1987 гг. в г. Ситка (США, штат Аляска).

Лыхин Ю.П. К истокам родства. Иркутск, 2009. 314 с.

Книга посвящена почти четырехвековой истории рода Ощепковых, обитающего на Иркутской земле с XVII в. В работе, подготовленной в результате проведения родословных изысканий и дополненной воспоминаниями ныне живущих потомков Ощепковых, сделана попытка ответить на вечные для любого неравнодушного человека вопросы: «Откуда мы? Кто наши предки?».

Бобкова Г.И. Татарские общины Иркутской губернии (конец XIX – начало XX в.). Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009. 220 с.

Автор монографии рассматривает динамику численности этноса на территории Иркутской губернии, проявления общественно-политической, культурно-просветительской активности татар в контексте демографической, социальной ситуации в России периода рубежа столетий. Книга является первым изданием, посвященным истории татар и татарских общин в регионе.

ТАЛЬЦИНСКОЕ СТЕКЛЫШКО (ИРКУТСКИЙ СКАЗ)*

Сергей Кулик

Давнишние старики нашим отцам сказывали, что Савельевы лет сто семьдесят назад в Тальцах поселились. Можно сказать, коренные сибиряки, давние тальцинцы.

Первым в это село пришел с двумя сыновьями Никандра — белая котомочка**, когда в Тальцах еще не больше двадцати домишек было. Оба сына плечистые, высокие, бородатые; глянешь на которого — силач силачом. Да и отец еще здоровехонек был. Словом, все ладные. А окромя топоров подмышкой, стамески да рубанка в мешочке и двух пил за плечами, ничего с собой не принесли. Можно сказать, пришли ни с чем. А как у Савельевых за лето на краю деревни пятистенный дом, как гриб после дождя, вырос, подумали соседи: «Никак богач?» Да только не отгадали.

Мастерством славился Никандра — с деда-прадеда краснодеревщик, и сынов ремеслу тому учил. Не то что избу аль дом — дворец построить мог. На любой манер спланирует, срубит, оконные рамы свяжет, резьбой узорчатой строение разукрасит: посмотришь — залюбуешься. Только дворцов Савельев ставить не любил.

— Дворец вельможе поставишь — всю жизнь себе изгадишь. Внуки и правнуки проклинать дворец тот будут, — говорил Никандра.

За это, знать, и в Сибирь из Вятки угодил. Под конвоем сюда его спроводили.

В те поры лесорубы да сплавщики в Тальцах жили, иные охотой да извозом занимались, а то и такие были, что круглый год в Ангаре хариуса ловили, в город сбывали, на том и держались. Пить-есть надо, ребятишек кормить да одевать надо, вот и добывали на хлеб, кто как мог.

И хоть жилось в Тальцах простым людям не легче, чем на Ольхоне или в Листвянке, скажем, а селились здесь с охотой, и сельцо все разрасталось. Байкал-море близко, Ангара рядом, лес — тут же: стройся, работай и живи себе.

Так и жили рядом, меж собой не ссорились, да и виделись не часто — работа у всякого своя: кто в тайгу, кто за рыбой, а кто в извоз. И ссориться не за что, и для дружбы большого интересу

* Печатается по кн.: Край родной. Иркутск: Кн. изд-во, 1957. С. 269–280.

** Белой котомочкой в Сибири называли ссыльного переселенца. — *Примеч. автора.*

как бы нет. Только праздники справлять любили вместе: соберутся всем селом, песни попоют, попляшут, а отпразднуют — и опять всяк к своему делу вернется.

А Никандру в первый год и на праздники не приглашали.

— Кто его знает, что за человек, — говорили сплавщики. — В столярке рамы вяжет, в город по реке плавит и там, видать, за большие деньги сбывает и вина не пьет. Святоша-трезвенник какой-то.

Да мало-помалу начали заходить к нему тальцинцы: кто грабли к сенокосу, кто корыто, кто табурет закажет или что другое по хозяйству. Без промедления сделает Никандра, цены не скажет, да и платы не возьмет.

— Заплатишь, — говорит, — когда богаче станешь, а я куда подожду.

Видят тальцинцы: золотой души он человек. И грамотность малость знает, и разумом не обижен. Вот и начали заходить к Никандре почаще. То за делом, а то и запросто посидеть аль совет какой спросить. По воскресным дням и зимними вечерами изба Савельева полнехонька народом. Рассядутся по лавкам, иные на полу пристроятся, покурят, поговорят, Никандру послушают.

— Люди — не звери, жить и работать вместе должны, — говорил он тальцинцам. — И не только праздники справлять — работать вместе веселее. Да и беду прогнать сообща легче: поднажать дружнее — и не устоит беда, отступит.

Те соглашались, а как работать вместе, про то не знали. Ведь у всех работа разная, подрядчики да заказчики тож разные. Тит вот — лесоруб, а Прокоп — сплавщик, Семен — рыболов, Трофим — охотник, Иван — углежог, а Сергей в извозе. Как тут вместе работать — ума не приложишь.

Жили так сперва, без церкви. А потом иркутские мастера пришли, церковушку поставили, и поп вскорости явился. Только трудно было тальцинских мужиков на молитву созвонить; не были они к этому приучены. Хоть колокол разбей — не идут. Старухи, правда, да и молодухи иные ходили, а мужики — к Савельеву.

Поп попервах ничего, а потом начал на Никандру всякие проклятья посылать да начальству в город доносить, что он, стало быть, всех поселян от веры христовой отговаривает и что вместо церкви мужики по праздникам к нему в столярку собираются да богоотступные речи слушают.

Узнал про то Никандра, плюнул только, а в церковь так и не пошел.

* * *

Как-то вечером, когда в столярку все мужики сошлись, с Байкала лодка подошла и к тальцинскому берегу причалилась. Из лодки три мужика вышли и тож зашли в столярку. Не то они раньше

зайти сюда решили, не то зашли потому, что изба крайней оказалась, теперь точно не скажешь. Двое, видать, сибиряки местные, из Култука аль из Разводной, а третий — бритый старичок — не из местных и на барина был здорово похож и по лицу и по одежде.

Приутихли тут тальцинцы, покуривают, ожидают, что дальше будет, да на Савельева поглядывают. А тот своей работой занят — брусок кедровый тешет рубанком; знать, не до гостей ему. Брусок тесать закончил, самокрутку закурил, потом тряпичку вынул из кармана не спеша, развернул бережно, в ней стеклышка кусочек взял и начал им зачищать брусок.

Посмотрел на это стеклышко старший гость с большим любопытством, к Никандре подошел, очки надел даже.

— Продай, — говорит, — мне такой кусок стекла.

— Что ты, барин, белены объелся, аль в местах сибирских первый день? Кусок стекла в Иркутске не всегда купишь, а в Тальцах и вовсе не найдешь.

— Да, вижу, что окна у вас слюдяные и маленький кусок оконного стекла, небось, немалых денег стоит. А если вы пожелаете и работой мне поможете — свое стекло в Тальцах варить будем. И такое стекло, что еще никто на свете не варил.

Переглянулись тут тальцинцы, удивляются, но молчат. Ждут, что скажет гостю хозяин.

— Как называть тебя, барин? — спросил Никандра вместо ответа.

— Лаксман я; чаще запросто зовут Кириллом.

— Такого не слыхали. Стало быть, пожаловал к нам издали-ка?

— Да как сказать вам, мужики?.. То в Петербурге жил, потом пять лет ходил в горах Алтайских; теперь вот уже год вокруг Байкала с вашими хлопцами хожу.

— Знать, фабрикантом хочешь стать, да карман пустоват? Пришел за помощью к нашим мужикам? Только ни фабрики, ни стекла твоего нам не надо!..

Крякнули тут мужики, промеж собой заговорили. Молодец, дескать, Никандра, в самую точку попал, как и мы все, думает, свои тут собаки кусучие, а чужие — совсем загрызут, от них отбиваться надо. А гость молчит, но не тревожится, словно на что-то надеется, да сразу всего не сказывает, улыбается только. Пошумев немного, и мужики утихли.

— Знаю, — говорит Лаксман, — вы не любите тех, что богатеть сюда приезжают. Только мне богатства не нужны.

— Трудно верить, барин, и как тут в толк возьмешь: зачем тебе ездить сюда, зачем фабрику ставить, ежели к богатству интересу нет? Лучше тогда в Петербурге сидеть, пирогами бавиться да по театрам ходить и нашему житью не мешать.

— Не худо быть осторожным, худо не верить никому. Не всяк ведь фабрику ставит, чтоб богатства наживать.

— Ты, барин, не хитри! Не только без стекла — без соли обходился; а хлеба не станет — песню запоем. Воли своей не продавали и не продаем!..

— Да не барин я вовсе и вовсе не хитрю. Ты вот про соль сказал. Про соль хотел я тоже рассказать, да только мой рассказ опять к стеклу. Если есть охота — послушайте. Потом уж судите сами, будем ставить фабрику или нет.

— Говори... говори... — загудели тальцинцы. Любопытным им гость показался. И рассказ послушать интересно. За послух ведь денег не берут.

— Жил один ученый в Петербурге. Из простых людей вышел, а большим ученым стал. Прямо-таки всем ученым ученый. Да вы его знали, наверно. Михайла Ломоносов. В Усть-Рудице, близ Петербурга, он фабрику стекольную поставил и сам варил на ней стекло.

Поехал я в Усть-Рудицу к Михайле, и там сдружился с ним. Вместе на фабрике долго жили, там и стекло делать он научил меня.

«Стекло — это глаз человека; оно людям нужнее золота», — говорил Михайла. А что нужнее людям, над тем он и трудился больше.

Только, выходит, нет добра без худа. Чем больше сварить ты стекла, тем больше леса надо выжечь: стекло ведь варится с поташем. Он нужен в стекле, как соль в ухе. Отмывают же поташ из золы древесной. Стекло, знать, враг лесам. Так как же быть?.. Начал пробовать Михайла всяко заменить поташ, да вскорости болезнь его свалила. Перед смертью он завещанье мне оставил: «Свари, Кирилл, стекло из соли, да побыстрее вари!.. А то леса совсем сожгут. Такую соль ищи в Сибири. Там быть она должна».

— А как это сварить стекло из соли можно? — любопытствовал кто-то из тальцинских. — Моя женка каждодневно щи с солью варит: насыплет так, что в рот щей не взять. Стекло ж ни разу не получалось.

— Тут соль особая нужна, — рассмеялся Кирилл. — Только многие ученые в Петербурге и за границей не верили Михайле, что соль такая есть на свете. «Чтоб стекло сварить, теплород надо, а он из пламени в поташ переходит, когда дерево горит. Вот и не сварить тебе, Михайла, из земляных солей стекла. В них теплорода нету», — так говорили ученые эти.

— А что за теплород такой бывает? — опять спросил любопытный тальцинец. — Вот мы Прокошку «теплородом» называем. Больно уж печку любит. Так и липнет к ней.

— Нишкни, непутевый! Не про меня тут речь ведут, — обиделся Прокошка.

— Не мешайте слушать, мужики! А ты, Прокошка, не гневись. Стекло, видать, и без теплорода сделать можно, — успокоил лесоруб Титок.

— Теплород — выдумка, — ответил Лаксман, — вроде невидимки: увидеть не увидишь и в руки не возьмешь. Доказывал Михайла, что теплорода вовсе нет, только выдумка зашла ученым многим в их привычку — они расстаться с нею не хотят. Купцам же да помещикам та выдумка не мал доход приносит. Они леса жгут на поташ и за него деньгой карманы набивают. Докажи, что теплорода нет, что стекло без поташа варить можно, тогда — прощайтесь купчик да помещик с барышами. Я год по берегам байкальским с вашими вот хлопцами ходил. И, знаете, не зря старались. Позавчера нашли мы соль около Баргузина. Вот она, щелочная соль, ваша, байкальская.

Тут Лаксман выложил кусочки соли на верстак, часть по рукам роздал. Тальцинцы молча смотрели соль, в рот клали, потом плевались, руками языки до крови терли, удивлялись, спорили о чем-то. А как мужики наплевались и наспорились досыта, Лаксман повел разговор опять.

— Для стекла еще песок да камень известковый надо, да всё здесь рядом есть. Вот мне и хочется фабрику в Тальцах поставить. Только денег у меня не хватит. На вашу помощь работой надеюсь.

— А стекло-то какое варить хочешь? — спросил Иван Савельев, сын Никандры.

— Всякое сварить можно: оконное, бутылочное, хрусталь и рубин золотой. Все от умельцев зависеть будет. Сделаем с вами даже такое стеклышко, что глянешь в него и за сто лет вперед всю правду народную увидишь. Оно нас жить научит. Подумайте и решайте, мужики: будем ставить фабрику или нет?

Молчат мужики, думают. Иные крестятся украдкой: не волшебник ли к нам явился, не сам ли сатана пришел, чтоб души искушать? Потом шепотком говорить начали, а дальше так и спор с перебранкой подняли. Одни верили, другие верить не хотели; те за фабрику, другие против. Жили так, мол, и дальше проживем. Леса не наши жгут, так нечего о них пекчись, наше дело сторона. Только вот в стеклышко чудесное каждому хотелось глянуть хоть разок.

— Фабрику поставить надо. И ставить лучше всем селом, — сказал Никандра. — Тит, к примеру, лес повалит и к речке подвезет, Прокошка с хлопцами своими сюда его приплавит, я с сынами и с другими мастерами стены срубим, окна свяжем, а печников хозяин в городе найдет. Пусть половину заработка сейчас хозяин платит, а как стекло начнет варить, выплатит остаток.

— Не бывало такого, чтоб я за половину платы робил! — обиделся Прокошка.

— Мало чего не бывало, да видишь — стало. Купцам в Иркутск ты, небось, все лето плавил лес, а деньги только к рождеству получишь, — сказал Никандра.

— Так тож купцам. Там дело верное. А этот барин пусть платит нам вперед. Ведь выйдет ли стекло — не знамо. Может, зряшное затеял барин дело.

— Да какой тебе тут барин дался? Слышишь же, за Ломоносово ученье он печется, нам помочь хочет, а мы должны ему помочь.

— Ты, Никандра, помогай, а я не буду!..

— Не хочешь плавить лес — другого позовем. А ты плавь своим купцам, если они копеечкой больше платят. Надумал богатеть — мешать не станем.

Обиделся Прокошка, убежал и дверью хлопнул. Не в масть ему такое дело, где поработать надо хорошо, а деньгой рук не нагреешь.

Словом, поспорили, повздорили, покричали, а через год таки фабрику закончили. Тут и стекло первое сварили. Зеленоватое, правда, с пятнышками да с пузырьками получилось, однако — не беда. Все-таки настоящее стекло, крепкое и посветлее слюды.

Радости тут сколько было, так и не расскажешь. Больше всех радовался Лаксман.

— Победа!.. — кричит и прижимает к груди кусок стекла. — Я верил, братцы! — кричит. — Наука!

Мужики тут забоялись даже: не сошел ли с ума ученый их хозяин, не бросился б в реку.

* * *

Не много лет прошло, а тальцинские мужики хорошими умельцами по стеклоному делу стали. Мастерство это им по сердцу, а особенно работа совместная по душе пришлась.

Хоть не все, правда, стекловарами да стеклодувами стали, а всё же с фабрикой сроднился каждый. Кто дрова готовил, кто соль да песок возил, а кто стекло по реке в город плавил. Только Прокошка-Теплород фабрики чуждался, сторонкой обходил и стеклоделов почему-то невзлюбил. На диво всем с попом сдружился. Видать, характером сошлись. Оба денежку из чужих рук хватить любили.

Никандра тож при фабрике был, а своего ремесла не менял: тут столяр нужен повседневно. А что касается его сынов, Ивана да Павла, так те с первого дня к стекловарной печи стали: Павел шихтовальщиком, Иван стеклодувом. Хлопцы смышленные, скоро

разобрались что к чему, и стекло с каждым разом все лучше да лучше получалось.

Хозяин хоть и правил фабрикой, а фабрикантом себя не считал и фабрику лабораторкой называл.

— На ней, — говорит, — не капиталы добываем, а славу науке русской о стекле.

На своей усадьбе Кирилл маленькую лабораторию поставил и в ней стеклоvarну печь, величиною с табурет. Ивана Савельева взял к себе и вместе с ним по рецептам Ломоносова всяко стекло стал готовить: синее, голубое, зеленое и всяких там других цветов. Только вот красный рубин не получался. По записям Михайлы в рубиновую шихту золотой песок надо класть, а где его взять, если хозяин деньгами не богат.

У иркутских горожан и в ближних деревнях в окна домов и на верандах чудесной красоты цветные стекла появились. Светит солнышко в стекло — и в доме радуга переливается, сердце радуется. На столах графины, стаканы да чарки из цветного стекла тож глаз веселят.

Узнали про цветное стекло парходчики ангарские да енисейские, просят:

— Сготовь побольше нам, Кирилл, стекла зеленого да красного для фонарей в бакены, чтоб речным судам ночами путь казать.

А тот и рад помочь людям. Только рубин никак не выходит. Уж все испробовали они с Иваном, да толку мало.

Вскоре в Тальцы из сибирских городов большие обозы за стеклом потянулись. И пошла слава про тальцинских умельцев по всей Сибири. А за десять лет слава та во все города России и в заграничные страны дошла. Немцы да французы попервах не верили, что стекло в Тальцах без поташа варят. Потом приезжать к тальцинцам стали, чтоб поучиться. И ученым-неверам пришлось сознаться: Михайла, мол, Ломоносов правду говорил, что тепло-рода вовсе нет.

Окольными путями да переходами, уж из-за границы, про тальцинское стекло узнало и петербургское начальство, что в Академии сидело. Вскорости и Лаксмана вызвали туда запиской: приезжай и доложи, мол, что да как.

Не успел Кирилл отъехать в Петербург, как в Тальцах обыски да допросы пошли.

Прокошка попу донес, что Лаксман стеклышко волшебное сделал и на хранение Никандре передал. И что в это стеклышко всю правду увидеть можно. Ну поп про то в Иркутске губернатору доложил. Здешнее начальство тоже правды пуще пожара боялось.

— Как это так?! — закричал губернатор. — Законов таких нету, чтоб простой мужик правду знал!.. Без промедленья стеклышко забрать и мне доставить!..

Вот и явились в Тальцы урядники да стражники с понятыми, по всей форме. У Савельева весь дом перерыли, крышу содрали, из подушек перо по ветру пустили. И у соседей по зауткам рылись. Что получше — в карманы да под шинелки себе на память упрятали, ребятишек переполошили. И хоть стеклышка не нашли, а Никандру таки с собой забрали, под стражей увели. Так и не вернулся больше столяр к своей семье.

В Петербурге начальство, видать, здорово купчиками да помещиками задарено было. Не хотелось им на поташе терять барыши. Да и поп тальцинский по доносам Прокошкиным фискальные записочки туда писал: богоотступником да колдуном Кириллу называл.

Как уж там его чехвостило начальство, что за разговоры были, про то не всякий знал. Только, видать, что в петербургских кабинетах с коврами мягкими, за дверями толстыми дубовыми на все лады Кириллу терли, с песком и солью. Совсем большим вырвался оттуда и сразу же в Тальцы отправился, да только не доехал.

На Дресвянской станции — почтовой, под Тобольском, открыл возница дверь кареты позвать Кириллу испить чайку, покуда лошадей заменят, а он — мертвый. Там, в Дресвянке, его и схоронили.

А на фабрике в Тальцах всё Кириллу ждут. Ждать ждали, но и без дела не сидели. Одни, без хозяина, всю стекло варили. И хорошее стекло было. Иван дни и ночи просиживал в лаборатории; там ел и пил и спать ложился на полу. Не сосчитать образчиков стекла, что он наделал — любой расцветки и оттенку, да только рубин не давался в руки, никак ключа к нему не найдет. Почернел весь, глаза от жаркой печи и ночей бессонных, как рубин, красные, а он все новую да новую шихту пробует в печи.

— Не буду я мастер, — говорит, — если к приезду хозяина нашего, академика Лаксмана, рубин не получу.

Потом на Байкал уплыл. А через неделю полную лодку мешочков с минералами разными приплавил. Опять дни и ночи на улице не кажется, у печки сидит, в шихту минералы кладет, пробное стекло варит и никого к себе не пускает.

— Не мешайте, — говорит, — скоро рубин получу, тогда идите и глядите.

Идут как-то хлопцы вечером с фабрики после смены и видят — на Ангаре фонарик красный. Близко так вот, как бы веслом достанешь. Сели в лодку, направились к огоньку, да долгонько плыть пришлось. Кажется, взмахни веслом — и лодка рядом станет, да так верст восемь и отмахали, покуда рядом очутились.

Фонарик на поплавке стоял, поплавок — на якоре, а рядом — ни души.

Вернулись парни и прямо в лабораторку к Ивану, про чудо-фонарик рассказать. А там дверь-то на замке оказалась. Они к нему домой — мать в избу не пускает.

— Спит мастер наш, — говорит, — да так сладко, с улыбочкой, что только в зыбке, помню, спал так; ни за что будить не стану. Пусть поспит досыта. Рубин, что он сегодня сделал, для сна пользительный, выходит.

Губернатор же совсем сна лишился. Чудесное стеклышко тальцинское не дает ему покоя. Еще не рассвело, а он опять в село стражников пригнал, и Прокошка тут же между ними трется.

В лабораторке дверь сорвали и начали погром чинить. Цветные стекла перебирают, на глаз пробуют и вдребезги о камень разбивают; бумаги с записями в печь бросили.

Тут народ со всего села сбежался, кольцом вокруг лабораторки стали, смотрят молча, подходить боятся. Иван прибежал, и не поймет, что тут творится. Пристав, как петух, подлетел к мастеру.

— Отдай, — орет, — стеклышко волшебное губернатору!.. Иначе вслед за отцом тебя отправим!..

— Нет у нас стеклышка такого, не сделал еще хозяин! — кричат из толпы.

— Стеклышко такое есть, — ответил Иван, — его уже сварили мы. Только вам то стеклышко не взять и губернатору увидеть не придется.

Пристав зверем накинудся на мастера, бить начал. А тот только попросил:

— Кликните сюда брата Павла. Про рубин секрет ему передам, а там хоть убивайте.

— Никого не подпущу! — кричит урядник. — Передавай секрет Прокошке!..

— Нет, — отвечает, — такому не передам. У него рожка не жога и душа подла.

Ну, до беспамяства избил Ивана и увез в Иркутск.

С тех пор про мастера и не слышать было.

* * *

Вот недавно белый, как гриб, старик тальцинец рассказал на фабрике молодым рабочим про Савельевых. Про Никандру и Ивана рассказал, что сам знал. А про волшебное стеклышко — ни слова. Даже обиделся, когда об этом спросил кто-то из любопытных.

— Легенда это, — говорит. — Фабрика наша и есть то стеклышко, через которое мы ленинскую партию увидели. А она нас научила, как за лучшую жизнь бороться. И то надо понимать, что не купец и не фабрикант эту фабрику ставил, а ученый человек с народом нашим. Тогда такое не часто бывало.

Вот и выходит, что больше ста лет тальцинцы в это стеклышко из поколения в поколение глядели. Не обманул, выходит, ученый Кирилл Лаксман.

СТАРОБЕЛОРУССКАЯ КУХНЯ***Окрошка из свекольной ботвы или щавеля**

Перетереть с солью пригоршню измельченной зелени укропа. Нарезать и отварить щавель или ботву столовой свеклы, затем остудить. Положить в отвар перетертый с солью укроп, влить рассол (свекольный, огуречный), добавить сметану и все перемешать. Если окрошка получится слишком густой или кислой, разбавить ее рассолом или сметаной.

Перед подачей к столу положить в супник несколько кусочков мелко нарубленного льда и 2–3 сваренных вкрутую яйца, разрезанных на четыре части, несколько мелко нарезанных огурцов, раковые шейки или какую-нибудь отварную рыбу. Вместо рыбы можно использовать отварную телятину, говядину, нарезанную мелкими кусочками.

Мачанка по-крестьянски

Нарезать 200 г свинины с ребрышками, 200 г крестьянской колбасы и поджарить. Отдельно обжарить 100 г солонины. Развести в холодной воде 2 ст. ложки пшеничной муки и влить в кастрюлю с кипятком, все время помешивая. Положить туда лавровый лист, соль, перец, мелко нарезанный лук, поджаренные кусочки солонины, а также колбасу со свининой. Поставить в духовку на 30 мин. Мачанку подавать к столу с блинами.

Борщ из кислого молока

Свекольную ботву промыть, листья нарезать соломкой, обжарить, а свекольные черенки нарезать мелкими кубиками. Морковь и свеклу очистить и также нарезать мелкими кубиками. Корень петрушки или сельдерея нарезать соломкой. Подготовленные овощи (кроме свекольных листьев) потушить с небольшим количеством воды и растительного масла до мягкости, затем добавить свекольную ботву и тушить еще 5–7 мин. Положить соль, охладить, добавить кислое молоко и холодную кипяченую воду. Подавать с измельченной зеленью в холодном виде.

* Печатается по кн.: Зайковский Э.М., Тычко Г.К. Старобелорусская кухня. Минск, 2001. 128 с.

Гусь, запеченный с яблоками

Снять с гуся жир, натереть птицу сверху и внутри солью и тмином, нафаршировать мелкими целыми яблоками и запекать на противне, обложив нарезанным луком, поливая сначала бульоном, а потом соком, который выделяется при жаренье. Перед подачей к столу обложить гуся отдельно испеченными яблоками, положить и те, которые запекались внутри. Сок, выделившийся при жаренье, смешать с ложкой муки, довести до кипения, полить им птицу, а часть подать отдельно к гарниру. Можно нафаршировать гуся цветной капустой.

Линь с кашей

Сварить гречневую кашу на грибном отваре, положить туда немного сливочного масла. Нарезать кусками и посолить линя, отварить его, добавив корень петрушки, сельдерея и 2 ст. ложки уксуса. Сложить отваренную рыбу в кастрюлю, смазанную маслом, на рыбу выложить слой каши, потом опять рыбу, затем — снова кашу, полить маслом, накрыть крышкой и потушить или запечь в духовке. К этому блюду можно отдельно подать грибной соус.

Котлеты из яиц

Сварить вкрутую 10 яиц, очистить их и мелко покрошить. Растопить ложку сливочного масла, положить нарезанные яйца, всыпать 2 ложки натертой булки, добавить пассированный лук, посолить, поперчить, вбить 2 сырых желтка и 3 яйца, хорошо перемешать и сформовать котлеты. Каждую котлету обмакнуть в яйцо, обвалить в сухарях, поджарить на масле и залить соусом.

Соус готовится так: немного бульона смешать с куском масла, влить стакан вина, всыпать немного сахара, ложку горчицы и довести до кипения.

Голубцы с грибами

Отварить в воде кочан капусты, предварительно вырезав кочерыжку. Отделить капустные листья, приготовить фарш из свежих грибов, поджарив их на растительном масле с луком. Фарш вернуть в капустные листья, сложить голубцы в глубокую сковороду или кастрюлю, залить сметанным соусом, накрыть крышкой и тушить.

Вместо грибного фарша можно приготовить картофельный. Для этого нужно очищенный картофель натереть на мелкой терке, отжать сок, посолить, поперчить, добавить немного муки и заворачивать в капустные листья, как и грибной фарш.

Бабка картофельная

Сырой картофель почистить, натереть на мелкой терке, обжарить эту массу (сок картофеля не сцеживать) с луком и кусочками свежего свиного мяса или сала.

Хорошо все перемешать, переложить в смазанную жиром сковороду и запечь в духовке. В бабку можно добавить муку, крупу, грибы.

Клецки с окороком

Растереть 3 ст. ложки сливочного масла с 5 желтками, влить 1 ст. ложку холодной воды, добавить столько муки, чтобы тесто было довольно густым, вымесить его до пышности, добавить взбитые белки и осторожно еще раз вымесить. Нарезать кусочками отваренный окорок, обжарить на масле, выложить в тесто, перемешать, сформовать маленькие клецки и опустить их в подсоленную кипящую воду. Как только клецки всплывут, достать их шумовкой и полить маслом или жиром с поджаренным салом.

Колдуны

Пропустить через мясорубку отдельно 1 кг нежирного мяса и 1 кг нутряного сала, смешать, перетереть, чтобы масса была как тесто. Положить в миску, добавить немного тертого мускатного ореха, перца, соли и все хорошо перемешать. Приготовить пресное тесто, тонко его раскатать и разделить на небольшие кружочки. Положить на кружок теста мясо, накрыть другим кружком теста и защипать края. Вскипятить воду, посолить, опустить в нее колдуны и варить до тех пор, пока не всплывут. К столу колдуны подают в глубокой тарелке с бульоном, в котором они варились.

Кулага

Ягоды (можно калину, рябину, но не клюкву) поставить в теплую духовку, а когда они распарятся, смешать с мукой и снова поставить в духовку. Кулагу можно заправить медом. Она хороша в теплом и холодном виде, можно намазывать ее на хлеб.

Сбитень

Вскипятить воду с медом (можно с сахаром или патокой), положить туда перец, гвоздику, лавровый лист, тертый мускатный орех, а также другие приправы по вкусу. Иногда в сбитень добавляют пиво или спирт. Пить горячим.

Сбитень был популярен в Беларуси в XVIII–XIX вв. В народной медицине использовался как противочинготное средство.